

Вадим Наговицын

Невозвратный долг

1.

Людмила Григорьевна только что вернулась с работы и, сняв в прихожей верхнюю одежду и обувь, осторожно вошла в комнату, где лежал хворающий муж.

— Людочка! — обрадовался Николай Матвеевич и, морщась от слабости, медленно поднялся с дивана.

Он был очень худ, бледен и имел весьма нездоровый вид. Глаза его лихорадочно блестели и глядели куда-то вдаль, мимо вошедшей в комнату жены.

— Коля, зачем ты встал? Ты ещё очень слаб. Ляг! — Людмила Григорьевна взяла мужа за руки и усадила на диван.

Он с покорностью подчинился:

— Я посижу.

— Посиди немного. Сейчас приготовлю ужин, — Людмила заботливо поправила на муже полосатый махровый халат, в который он был закутан, и ушла на кухню.

Николаю Матвеевичу через открытую дверь хорошо были слышны звуки переставляемой посуды, разогреваемой пищи и текущей из крана воды. Он с нетерпением ждал, когда жена закончит с приготовлением ужина и поговорит с ним. Не дотерпев, осторожно зашёл на кухню и сел за стол на табуретку возле стены.

Людмила Григорьевна поморщилась:

— Коля! Тебе ещё нельзя много ходить. Я бы принесла...

— Ничего, Людочка. Мне уже намного лучше. Я так соскучился... Лучше я здесь с тобой посижу.

Через минуту на столе появились: разогретая жареная картошка с куриной котлетой, маринированные огурчики и кусочки селедки, ржаной хлеб и несколько очищенных зубков чеснока. Супруги принялись ужинать.

Уже за чаем Николай Матвеевич, ласково поглядев на жену, снова заговорил:

— Людочка, ты не представляешь, кто мне сегодня позвонил! — и, не дожидаясь ответа, тут же радостно поведал: — Мне позвонил Толик Косолапов. Представляешь?! Сколько же лет он не подавал признаков жизни!

Людмилу удивила эта новость, но совсем не обрадовала. Спросила с равнодушием:

— И где он сейчас?

Отпив глоток горячего чая из фаянсовой кружки, Николай, улыбаясь, ответил:

— Он здесь, в Северогорске. Недавно приехал в командировку. Каким-то большим начальником стал...

— Вот как! — промолвила Людмила, помешивая ложечкой чай в своей кружке.

— Всё интересовался, как мы, — продолжил Николай. — Про тебя расспрашивал. Про мои дела. А мне, понимаешь, и похвастаться особо нечем... Он, кстати, очень хочет повидаться с нами. Спрашивал, не пригласим ли его в гости.

— Пригласи! — бросила Людмила и сделала глоток.

— Я уже пригласил... Он так обрадовался! — Николай ласково глядел на жену, и улыбка постепенно сходила с его лица. — Сказал, что перезвонит и согласует дату и время... Он целый месяц будет в нашем городе...

Заметив у жены грустное выражение лица, с озабоченностью поинтересовался:

— Ты не рада?... Ты чем-то огорчена, Людочка?

Людмила Григорьевна, не допив чай, встала и принялась торопливо убирать со стола. Николай Матвеевич понял, что она и в самом деле чем-то очень сильно расстроена, и не стал докучать ей расспросами. Он молча сидел, ожидая, что жена сама всё расскажет о причинах своей печали.

Наконец, помыв посуду, Людмила села за стол напротив мужа и, глядя ему в глаза, заговорила решительным тоном:

— Коля, я не хотела до поры тебя огорчать, но у нас сложилась безвыходная ситуация... с ипотекой! Банк расторг ипотечный договор, потому что мы постоянно запаздывали с оплатой процентов, и подал на нас в суд! И суд обязал выплатить банку остаток по кредиту. Через две недели истекает срок выплаты... Нам нужно до двадцатого августа заплатить банку сто восемьдесят тысяч рублей. А иначе...

— Что иначе?... — Николай Матвеевич нахмурился. — Иначе, Коля, нас выселят!.. Квартиру продадут, и банк удержит свою сумму. Ещё тридцать тысяч рублей с нас взыщут за судебные издержки, как с проигравшей стороны... — Людмила Григорьевна нервно теребила руками кружку, отчего та крутилась и ползала по столу. — Нам вернут только

остаток суммы после всех вычетов. И мы окажемся на улице с деньгами, на которые не сможем купить даже двухкомнатную квартиру. В общем, Коля,—голос жены дрогнул,—надо или погасить остаток по ипотеке, или выметаться на улицу... Что будем делать?

— Это несправедливо, Люда!—с огорчением выкрикнул Николай Матвеевич.—Мы десять лет выплачивали этот кредит и под такой неимоверно высокий процент! Мы выплатили больше двух миллионов рублей, и это при том, что наша квартира изначально стоила почти в два раза дешевле! И вот теперь, когда осталась совсем небольшая задолженность, нас хотят лишить нашей замечательной трёхкомнатной квартиры?!

— Но мы ведь сами виноваты! Последние полгода мы не могли регулярно погашать кредит. Твоя болезнь... Да и у меня на работе возникли серьёзные проблемы,—Людмила оставила в покое кружку и с надеждой посмотрела на мужа.

Но тот сидел перед ней с расстроеным видом. — Я же не специально себе insult устроил!— произнёс сокрушённо Николай.—Банк ведь должен был принять во внимание мою тяжёлую болезнь и мою временную нетрудоспособность. Они должны же были как-то смягчить эту ипотеку для больного человека! Я же все медицинские документы им предоставил!

Николай посмотрел на жену с надеждой, пытается найти в её взгляде хоть какую-то искру света, но она, устало прикрыв глаза, молчала.

Наконец Людмила произнесла: — Коля, они никому ничего не должны! Это мы им должны...—голос её нервно задрожал.—Им все должны!.. У моей сослуживицы Екатерины Николаевны сына выселили из квартиры за такое же нарушение ипотечного договора. Он выплатил за несколько лет уже больше половины суммы. А полгода назад его сократили на заводе, и он три месяца сидел без работы. Потом устроился, но зарплаты не хватало даже на жизнь, не то что на проценты по кредиту. И вот недавно его выселили. Квартиру банк сразу же продал по рыночной цене, и теперь ему что-то вернут после всех удержаний. Сейчас он живёт у матери: с женой и ребёнком... Да знаешь, сколько сейчас простых людей прогорело с этой проклятой ипотекой? Ужас!

— Люда, надо что-то придумать. Давай возьмём займы! Давай возьмём кредит в другом банке и рассчитаемся с этим...—Николай почувствовал себя нехорошо и схватился за голову.

— Коля! Тебе нельзя волноваться!—встревожилась Людмила.—Иди приляг!

— Да какое там!—Николай с досады махнул рукой.—Никто нам не даст кредит... И займы тоже,— Людмила Григорьевна снова нервно взялась за кружку.—Ты на больничном, и тебе грозит инвалидность. А у меня зарплата меньше критической.

— Что же тогда нам делать?!—поморщился Николай, он сильно разволновался.

Людмила ответила:

— Я звонила маме, она даст нам двадцать тысяч рублей—это все её сбережения. Это всё, что она смогла накопить со своей нищенской пенсии себе на похороны. И эти свои последние деньги она готова нам отдать...

— А что Саша? Сыну звонила?

— Звонила. Саша после развода живёт на съёмной квартире и платит за неё едва ли не половину своей зарплаты. Да ещё алименты. А жить на что?! Там, в Москве, всё так дорого! У него самого никаких денег нет!

— Ну а наши друзья, знакомые?...—продолжал с надеждой расспрашивать Николай.—Кто-нибудь может дать нам займы? Хотя бы по частям.

— Коля, я обзвонила почти всех! Ты же знаешь, что друзья существуют только до тех пор, пока ты жив-здоров и кому-нибудь для чего-то нужен. После того, как с тобой случилось несчастье, все твои друзья сразу же позабыли наш телефон.

— Да... Это правда,—сокрушённо вздохнул Николай Матвеевич.—Плохие у нас друзья.

— Вот только Игорь и Елисей Аверьянович звонили регулярно, спраивались о твоём здоровье. Елисей Аверьянович обещал дать займы тысяч двадцать-тридцать. Ты же знаешь, он сам человек небогатый. Но тоже готов отдать последнее. У них, у староверов, так принято—помогать попавшим в беду. Спасибо ему большое...—Людмила тяжело вздохнула.—А Игорь совершенно не может помочь! У него вообще никогда денег не было... Так что, Коля, больше нам рассчитывать не на кого... И что теперь делать, я ума не приложу!

Людмила Григорьевна приложила ладони к лицу и несколько раз всхлипнула. Нет, она не плакала, она сдерживала плач, но тот с силой прорывался наружу.

— Ну ладно, Люда! Что-нибудь придумаем. Бог не выдаст—свинья не съест,—Николай Матвеевич поднялся с места.—Может, лучше нам самим продать свою трёхкомнатную или обменять на «двушку» с доплатой? А разницу заплатим банку. Что ты думаешь?

— Надо было немного раньше, Коля,—Людмила Григорьевна подняла лицо с красными глазами, полными слёз. Она говорила с отчаянными нотками.—Я всё не решалась тебя беспокоить. Ты очень плохо себя чувствовал, и я боялась посвящать тебя в наши проблемы. А сейчас мы уже не успеем!—она тяжело вздохнула.—Если продавать срочно, то продешевим. Тогда и хорошей разницы не получится. Двухкомнатные стоят сейчас почти как «трёшки». Ты ведь знаешь, что за трёхкомнатные коммунальная плата просто астрономическая. Вот люди и берут в основном «двушки», чтобы платить поменьше за коммунальные услуги. Я тебе

раньше, ещё до болезни, предлагала: давай на двухкомнатную обменям. И платить было бы меньше, и кредит бы погасили раньше. Но ведь ты не соглашался. Говорил, что квартира внуку достанется... А внука теперь воспитывают чужие люди! И квартира достанется только Саше. А он никуда из Москвы уезжать не собирается, тем более в Северогорск... Вот так вот, Коля!

Николай Матвеевич, придерживаясь за стены, тихо ушёл в свою комнату, а Людмила Григорьевна осталась на кухне одна и ещё долго сидела в глубокой задумчивости.

2.

На следующий день, возвращаясь с работы, Людмила Григорьевна проходила мимо Благовещенского храма и, услышав доносившиеся наружу песнопения, решила зайти.

Шло вечернее богослужение. Народу в храме было совсем немного, в основном старушки. Повязав на голову белый шёлковый платок, который всегда носила с собой в сумочке, и купив самую дешёвую — рублёвую — свечку, Людмила подошла к иконе Пантелеимона Целителя. Постояла с беззвучной просьбой о даровании исцеления болящему мужу и аккуратно поставила зажжённую свечу перед образом.

Как и многие советские люди, Людмила Григорьевна в детстве, тайком от родителей, была крещена в сельском храме своей бабушкой, у которой проводила каждое лето. Девчонкой Люда носила крестик только в деревне, а уже в городе прятала его в своей шкатулке. Родители, прознав про её крещение, сильно не возмущались, они терпимо относились к православной традиции и в научном атеизме сильно не усердствовали.

Когда рухнул Советский Союз и началась проклятая капиталистическая эпоха, когда все вокруг вдруг заговорили о вере и по телевидению стали часто показывать попов и архиереев, Людмила начала носить свой детский медный крестик постоянно и даже заглядывала иногда в храм. Веры она не имела. Нет, она понимала, что есть Тот, Который выше всех, сильнее и могущественнее, Который распоряжается судьбами людей, поощряет за благие дела и наказывает за дурные поступки. Но она принимала Его разумом, а не сердцем, не через веру. Она не знала православного вероучения: ни догматов, ни канонов, ни традиций. Ей достаточно было знать и надеяться, что Он где-то есть и что Он, может быть, иногда помогает людям.

Изредка заходя в храм, Людмила расспрашивала богомольных старушек о том, какому святому, перед какой иконой и в каком случае нужно поставить свечу. Она узнала, что великомученик Пантелеимон может помочь исцелиться от болезней, и после инсульта мужа часто возжигала свечу перед образом именно этого святого. И перед

иконой Николая Чудотворца она тоже ставила свечи, надеясь на его помощь в финансовых делах. И Пресвятая Богородице — мысленно прося. Её помочь сыну Саше, у которого случилась семейная драма, приведшая к болезненному разводу.

Людмила совсем не знала молитв. Она обычно стояла перед иконой и шептала беззвучно, про себя, слова своей искренней просьбы. Она обращалась к святым, изображённым на иконах, как к старшим товарищам, покровителям, которые, как сильно надеялась Людмила, могли помочь ей и её семье в очень трудной жизненной ситуации.

Вот и сейчас, стоя перед образом святого Пантелеимона, Людмила Григорьевна горячо просила его помочь выздороветь мужу, чтобы Николай Матвеевич смог окончательно исцелиться от недуга и стать, как прежде, здоровым, сильным, умным, жизнерадостным и энергичным человеком. Пантелеимон глядел на неё с иконы с сочувствием и состраданием, в его молодых глазах светилась скорбь обо всех болящих и вместе с тем проглядывала некоторая надежда на их скорейшее исцеление. У Людмилы Григорьевны на глаза навернулись слёзы — не от умиления, а от острой жалости к самой себе. Ей было так тяжело, и такая безысходность томила её душу, что она готова была разрыдаться.

Вдоль стены медленно прошёл молодой диакон, сильно размахивая звенящим кадиллом и обдавая ладанным дымом молящихся. Он бросил укоризненный взгляд на Людмилу, и та не могла понять, в чём заключалось его недовольство. В том ли, что она не молится, не осеняет себя крестным знаменем, не делает глубоких поклонов? Или что она, незнакомая ему женщина, зашла в храм с улицы случайно, мимоходом?

Почему-то укоризна священнослужителя совсем не огорчила Людмилу. Она подняла руку и неумело перекрестилась перед образом Пантелеимона, а затем, неожиданно для себя, сделала шаг ближе и, наклонившись, поцеловала его. Икона источала тонкий аромат какого-то благовонного масла и излучала едва ощутимое, почти человеческое тепло. На секунду Людмила почувствовала успокоение и надежду. «С Николаем всё будет хорошо!» — уверенно подумала она и вышла из храма на улицу.

3.

Стол был накрыт в гостинной. На белоснежной скатерти красовались фарфоровые тарелки из сервиза, хрустальные фужеры, мельхиоровые приборы и свёрнутые в конус накрахмаленные салфетки. Посередине стояли ваза с фруктами и две бутылки вина — с красным «Каберне» и белым «Шардоне».

Николай Матвеевич был одет в отутюженные чёрные брюки и белую рубашку с короткими рукавами.

— Может быть, всё-таки галстук? — спросил он жену.

— Не стоит. Ты и так вырядился как банковский клерк. Надо — попросе, — заметила Людмила.

Сама же была облачена в скромное тёмно-синее платье, хорошо облегающее фигуру. На ногах — белые туфли на невысоком каблучке. Свои длинные густые тёмно-русые волосы она заплела в толстую косу и уложила в старомодную, но очень красивую причёску, обнажавшую её длинную белокожую шею, украшенную бусами из мелкого речного жемчуга.

Людмила Григорьевна выглядела очень хорошо для своего возраста и умела подчеркнуть все достоинства уже немолодой, но ещё весьма привлекательной женщины. Озабоченность семейными проблемами лёгкой тенью лежала на её немного усталом лице, почти без макияжа, только с неяркой помадой на небольших рельефных губах.

Субботний день, выходной, Людмила и Николай ожидали гостя — уже всё было готово! Часы показывали почти три часа пополудни, и хозяева заметно волновались.

Наконец в половине четвёртого раздался звонок в дверь. Николай Матвеевич поспешил открывать. В прихожей загудел громкий мужской голос, зазвучали оживлённые речи хозяина и гостя, раздались радостные возгласы.

В комнату вошёл высокий, подтянутый, худощавый, очень импозантный мужчина в строгом тёмно-сером костюме, в кремовой рубашке с серо-серебристым галстуком и блестящими серебряными запонками на манжетах. На его ногах блестели тщательно вычищенные чёрные лакированные туфли, а в руках он держал роскошный букет из крупных пунцовых роз. За спиной вошедшего, смущённо улыбаясь, стоял Николай Матвеевич и держал в руках принесённую гостем бутылку дорогого коньяка.

Гость был гладко выбрит, а его густые слегка седоватые волосы лежали в классической причёске с зачёсанным назад чубом. От него исходил аромат хорошего табака и дорогого одеколona, и выглядел он очень солидно и представительно, как драматический актёр или очень большой начальник, — движения его были величавы и неторопливы.

Упругой походкой он уверенно подошёл к Людмиле Григорьевне и с вежливым полупоклоном протянул букет. Она взяла и пристально, с некоторой растерянностью, поглядела на гостя. Тот едва улыбнулся в ответ, и что-то слегка кольнуло Людмилу в сердце. Волнение неожиданно охватило её, когда она увидела его серые глаза с лукавинкой и длинными светлыми ресницами. Это были те самые глаза, которые изредка вспоминались ей на протяжении более двадцати лет!..

Слегка смутившись, Людмила изобразила приветливую улыбку и бросила осторожный взгляд в сторону мужа. Николай радостно улыбался,

его бледное лицо немного оживилось и теперь светило искренним счастьем.

— Ну, здравствуй, Людочка! — громко произнёс Анатолий Юрьевич, раскрыл объятия и крепко обнял бывшую одноклассницу. Звонко поцеловал её в щёку, отодвинул от себя, полюбовался и снова обнял. — Здравствуй, дорогая!

Высвободив Людмилу из объятий, гость отошёл в сторону, окинул взглядом комнату со скромной обстановкой и, снова поглядев на хозяев, трогательно произнёс:

— Вы не представляете, ребята, как я рад вас видеть. Как хорошо, что вы живы, здоровы и вместе!

Николай Матвеевич поставил на стол коньяк и отодвинул стул, приглашая гостя к столу:

— Садись, Толик! Я-то как раз и не совсем здоров.

Аккуратно усаживаясь за стол, гость с искренним изумлением воскликнул:

— А что такое, Николай? Что случилось с тобой?!

— И не спрашивай! Полгода назад я перенёс инсульт. Едва не помер. Бог миловал, выжил. Но очень сильно хвораю. Вот до сих пор не могу в себя прийти. Силы не возвращаются. Всё слабость, голова болит, кружится, — Николай Матвеевич и сам осторожно присел на стул.

— Очень сочувствую тебе, Коля. Но ты выздоравливай! Держись!

Анатолий Юрьевич сидел за столом осанисто, опершись левым локтем, и всем своим видом излучал успех и доброжелательность. Он говорил медленно и вдумчиво, очень красиво, немного театрально модулируя голос, и каждый его жест выражал уверенность в себе.

Людмила Григорьевна подала блюда и тоже села за стол.

— Наливайте, мужчины! — весело приказала она. — Я пью белое вино. Коля — красное. А ты?

Немного подумав, в тон хозяйке так же весело, гость произнёс:

— А я — коньячок. Хочу вас угостить.

— Коле врач разрешил только красного вина понемногу. А я крепкие напитки вообще не люблю. Так что, Анатолий, не стесняйся, наливай свой коньяк, всё равно, кроме тебя, его пить никто не будет! — беззастенчиво распорядилась Людмила и бросила взгляд на гостя.

Тот, нисколько не смутившись, откупорил бутылку коньяка и налил себе в небольшой пузатый бокал из хрустала до половины. Николай Матвеевич тем временем налил вина жене и себе. Поднял фужер с рубиновым напитком и торжественно произнёс: — Я рад, Анатолий, что мы, наконец, снова встретились. Мы не виделись, наверно, лет двадцать из тех двадцати семи, что минули после окончания школы. Я до сих пор помню и нашу школу, и наш класс, и нашу дружную четвёрку! Давайте же, мои дорогие одноклассники, Толя и Люда, выпьем за нашу долгожданную встречу!

Бокал и фужеры встретились в центре стола, осторожно стукнулись краями, издав хрустальный звон, и вернулись к своему хозяину. Николай Матвеевич сделал несколько глотков, отпив до половины, и поставил фужер. Людмила Григорьевна, медленно цедея, выпила своё вино до дна, а Анатолий Юрьевич осушил бокал залпом, сдержанно крикнул и взял на закуску чёрную виноградинку из вазы.

Завязался приятельский разговор под угощение из закусок и салатов. Анатолий Юрьевич всё расспрашивал про жизнь-бытьё супругов Людмилы и Николая, интересовался их работой, детьми, делами, заботами. О себе рассказывал мало:

— Я сейчас в одной крупной московской фирме тружусь, заведу отделом по руководству филиалами. Вот и в Северогорск приехал в специальную командировку, провести инспекцию нашего северогорского филиала. Так что ещё повидаемся, пообщаемся, сходим куда-нибудь.

— А как твоя семья, Толик? — перебив гостя, спросила Людмила Григорьевна.

Анатолий Юрьевич замер и напрягся лицом, затем выразительно поглядел на хозяйку, поставил локти на стол перед собой, сцепив пальцы в замок, и, отведя взгляд в сторону, медленно и очень мягко произнёс:

— Был женат, Людочка, почти двадцать лет... Потом развёлся. Наша дочь уже взрослая — в Москве учится, поступила в медицинский институт. Живёт со своей матерью. Но поддерживает со мной очень хорошие отношения, я ей помогаю... — и уже с некоторой бравадой добавил: — Так что я сейчас холостой и совершенно свободный мужчина! А учитывая моё положение и статус начальника, я ещё и завидный жених! Вот так вот!

Анатолий Юрьевич озорно подмигнул Людмиле Григорьевне и налил себе коньяку. Николай Матвеевич тоже наполнил фужеры вином.

— Ну, теперь я скажу, на правах гостя, — Анатолий Юрьевич поднял свой бокал и заговорил мягко, вкрадчиво, с сильной сердечной интонацией: — Дорогие мои, друзья мои душевные, помню, очень хорошо помню и никогда не забывал про нашу юношескую чистую дружбу. Наша дружная четвёрка собралась не в полном составе. Жаль, что нет с нами рядом товарища нашего Сашеньки Полетаева. Он сейчас далеко, в Сибири, водит речные корабли по Енисею. Он стал самым настоящим капитаном, как и мечтал. Но я с ним изредка переписываюсь. Он знал, что я собираюсь в Северогорск и что увижу вас, поэтому просил передать вам привет. Он всё мечтает приехать к вам в гости и повидать вас... Вот мне повезло, я приехал первым.

Все, дружно чокнувшись, выпили. А Анатолий Юрьевич продолжал:

— Помнишь, Коля, как стояли мы все друг за дружку, как заступались, как не давали себя в обиду? Как все нас уважали и завидовали нашей дружбе?

Николай Матвеевич, соглашаясь, кивал головой и улыбался.

— Помнишь, Людочка, когда нам исполнилось по пятнадцать, мы все трое — я, Коля и Саша — одновременно влюбились в тебя?! А ты уже тогда отдавала предпочтение Кольке. И что ты в нём нашла? — Анатолий Юрьевич шутливо погрозил пальцем в сторону Николая Матвеевича и продолжил: — А помнишь, Людочка, как после выпускного мы втроем катали тебя на садовой тележке по городу всю ночь? А потом мы все разъехались кто куда...

Гость замолчал, и за столом на некоторое время воцарилась тишина.

Людмила Григорьевна подала на стол горячее блюдо: голубцы с томатной подливой.

— О-о-о! — восхищённо воскликнул гость, отдавая голубца.

Хозяева, улыбнувшись, переглянулись и покивали головами, радуясь, что угодили дорогому гостю.

— Да, Людочка умеет готовить! — с гордостью произнёс Николай Матвеевич, докушав свои голубцы.

Он снова разлил вино и наполнил коньяком бокал гостя.

— За нашу дружбу! — провозгласил Николай Матвеевич.

Снова звякнул хрусталь от соприкосновения сдвинутых вместе фужеров и бокала. Хозяева выпили своё вино, а гость, задержавшись, с бокалом в руке трогательно произнёс:

— Как хорошо, что вы вернулись в родной Северогорск и что у вас всё сложилось так замечательно. Давайте выпьем за нашу нестарющую и нержавеющую дружбу! — Анатолий Юрьевич последние слова произнёс уже со слезой в голосе и залпом выпил коньяк. Было видно, что он растроган до глубины души. С некоторой робостью спросил: — А можно я покурю?

Хозяин кивнул и подвинул ближе к гостю хрустальную пепельницу. Анатолий Юрьевич достал из кармана большую пачку сигарет и вынул одну. Сигарета коричневого цвета и с золотым ободком возле мундштука была длиннее и толще обычной. Прикурив от массивной серебряной зажигалки и выпустив в потолок клуб ароматного дыма, гость виновато улыбнулся:

— Простите, я подымяю немного... Разволновался!

Людмила и Николай понимающе улыбнулись ему в ответ.

Они ещё долго сидели за столом, выпивали, закусывали и вели беседы. Все разговоры велись в основном о прошлом: всё вспоминались школьные годы, учёба, дружба, проказы и выходки, смешные случаи и все те детские пустяки, которые когда-то сильно волновали, а сейчас вызывали только улыбку. Все трое как будто снова ненадолго стали семнадцатилетними школьниками, взволнованными

и романтичными. Как будто и не было тех двадцати семи лет разлуки после окончания школы.

В одиннадцатом часу ночи, когда за окном уже стояли густые сумерки, гость, наконец, засоби-рался домой. Его тепло провожали в прихожей, приглашая снова в гости, желая здоровья и удачи. Людмила вызвала по телефону такси.

— А ты где жить-то будешь? — спросил Николай Матвеевич. — У тебя здесь родственники остались? — У меня здесь никого не осталось. Мама сейчас у моей сестры живёт в Подмосковье, внуков нянчит. Я часто их навещаю... — отвечал немного запле-тающимся языком Анатолий Юрьевич. — А здесь я буду жить в служебной квартире... Сейчас две не-дели будет очень много работы, а потом появится побольше свободного времени, и мы обязательно ещё повидаемся... Ну, всё, пока ребята! — с этими словами дорогой гость обнял по очереди Николая и Людмилу и вышел за дверь.

4.

Людмиле Григорьевне было очень беспокойно. Ей только что по рабочему телефону позвонил судебный пристав и напомнил, что осталось ровно шесть дней, чтобы вернуть долг банку. В против-ном случае, грозил пристав, молодой и хамоватый чиновник, они опишут имущество и выставят квартиру на торги, а должников выгонят на улицу.

«Что же делать? Что же делать?» — мучилась Людмила, не находя ответа. Набравшись реши-мости, она пошла к своему начальнику и, зайдя в кабинет без стука, настойчиво спросила:

— Алексей Вениаминович, вы помните мою прось-бу? Я вам рассказывала о своей проблеме, о задол-женности банку по ипотеке... — Людмила Григорь-евна сильно волновалась. — Вы обещали помочь! Речь идёт о займе или о возмездной материальной помощи. Мне срочно нужно сто восемьдесят тысяч рублей, чтобы рассчитаться с банком... Иначе нас с мужем выселят из квартиры.

Алексей Вениаминович, пожилой худощавый и сутулый мужчина с плоским лицом в больших очках, пустым взглядом окинул Людмилу и указал рукой на стул перед своим письменным столом. Она присела на краешек и с затаённой надеждой поглядела на начальника.

Сняв очки и сильно потеряв невысокий, но широкий лоб, Алексей Вениаминович заговорил бесцветным сухим голосом:

— Людмила Григорьевна, я понимаю крайнее за-труднение, в которое вы попали, и очень сочув-ствую вам, но, к величайшему моему сожалению, боюсь, что мы ничем не сможем вам помочь... Я разговаривал с директором перед его отпуском о вашей проблеме, просил оформить вам ссуду с последующим удержанием из жалования... Но он не согласился... Вы же знаете, что наше пред-приятие сейчас переживает временный кризис

в связи с ухудшением конъюнктуры на рынке. Очень сожалею! — он широко развёл руками.

Людмила Григорьевна слушала начальника, и её лицо постепенно краснело. После его слов она целую минуту сидела как оглушённая. Потом, не выдержав, закрыла лицо ладонями, сильно согну-лась и громко, отчаянно зарыдала. Она не могла вымолвить ни слова, хотя пыталась что-то сказать начальнику. Тот, не вставая из-за стола, налил в ста-кан газированной воды из сифона и протянул ей: — Людмила Григорьевна, выпейте, пожалуйста! Прошу вас, успокойтесь!

Подняв на него глаза, полные горячих слёз, Людмила взяла стакан, выпила воду и, нечаян-но стукнув о край, поставила его на стол. Резко встав со стула, попыталась совладать с собой. Но, окончательно осознав, что лопнула её последняя надежда на помощь, снова заплакала, и слёзы неудержимо струились по её лицу, капая на пол. — Да успокойтесь же! — с тревогой воззвал началь-ник.

Людмила Григорьевна прижала руки к груди, сделала глубокий вдох, задержав его, потом резко выдохнула, откинула ладони и с изменившимся от-гневاً лицом громко заговорила, переходя на крик: — Я работаю в нашем объединении уже более двадцати лет! Ещё с советского времени, когда пришла сюда после института молодым специа-листом. Я честно трудилась даже после того, как предприятие приватизировали неумные и жадные люди, которые назначили руководить сложным производством таких же недалёких и алчных негодяев, как и они сами!..

Начальник поморщился, но промолчал. Люд-мила Григорьевна продолжила свою тираду: — С тех пор предприятие влачит жалкое суще-ствование! Потому что ни новые хозяева, ни новое руководство не знают, как и куда развивать про-изводство. Начальники только и могут получать огромные оклады с астрономическими премиями, совершенно не отвечая за результаты своего ни-кчёмного руководства!.. А персонал и рядовые сотрудники получают копейки и влачат жалкое существование!

Людмила шагнула ближе к столу, и начальник невольно подался назад.

— Я никогда, Алексей Вениаминович, никогда не обращалась к вам за помощью!.. Мой муж перенёс тяжёлый инсульт, он едва выжил, и мы не смогли вовремя уплатить проценты за ипотеку. Теперь банк через суд потребовал вернуть остаток кре-дита и грозитя отнять у нас квартиру, если мы не заплатим эти деньги... Разве ваше предприятие, всё ещё располагая достаточно большими финан-сами, не может мне помочь?

Людмила оперлась о стол, опрокинув стакан. — Я ведь попросила у вас деньги взаймы! Вы ведь могли меня выручить! Хотя бы за то хорошее, что я

сделала для нашего... вашего предприятия!.. Разве начальники отделов не получили по двести тысяч премий за полугодие и по триста тысяч отпусковых? А за что им такие деньги?! Всё предприятие держится только на плечах трудового коллектива, а вы, Алексей Вениаминович, и все руководители вашего уровня всё создаёте и создаёте новые отделы, новые должности, плодитесь как амёбы, ничем не управляете и ни за что не отвечаете, а каждый месяц получаете огромную зарплату, сопоставимую с годовым жалованьем рядового инженера. Где же справедливость?!

Людмила замолчала, её снова душили слёзы, но, собравшись с силами, она до конца высказала начальнику всё, что думала о нём и об остальном руководстве:

— Да наш директор только отпусковых получил полмиллиона! А вы не смогли найти для меня сумму намного меньшую! Конечно, вам всё не хватает на заграничные курорты, на дорогие автомобили и рестораны. Вы всех нас обдираете, грабите без совести, живёте за счёт нашего дармового труда, жируете и ещё цинично насмехаетесь!

Людмила стукнула кулаком по столу и, развернувшись, направилась к выходу. Обернувшись уже возле двери, отчаянно выкрикнула:

— Вы оставили меня в беде! У вас даже не возникло желания помочь мне. Все ваши разговоры — пустая отмазка! Фальшь! Вы пустые и равнодушные люди! У вас, кроме денег и жажды собственного обогащения, ничего за душой нет! Я вас всех презираю! — Людмила Григорьевна выбежала из кабинета, сильно хлопнув дверью, и ринулась вниз к выходу из здания.

5.

Людмила выскочила на улицу и побежала куда глаза глядят. Она находилась в глубоком потрясении и поначалу ничего не осознавала. Затем, постепенно приходя в себя, замедлила бег и, не испытывая усталости, перешла, наконец, на быстрый шаг. И только поравнявшись с Благовещенским храмом, Людмила окончательно очнулась, внимательно поглядела на знакомое ей здание старинной церкви и решила зайти.

Было два часа пополудни, и службы ещё не было. Храм был совсем пуст. Только за свечной лавкой тихо сидела молодая женщина с худым некрасивым и бледным лицом и встревоженно глядела блёклыми глазами на вошедшую и взволнованную Людмилу.

Подойдя к лавке, Людмила Григорьевна спохватилась, что забыла сумочку на работе и у неё теперь нет с собой ни платочка, чтобы повязать на голову, ни кошелька, чтобы купить свечку. Она растерянно остановилась и не знала, что же ей делать. Она уже хотела развернуться и выйти вон,

но женщина за свечной лавкой встала и осторожно спросила тихим сочувственным голосом:

— У вас что-то случилось?

Людмила удивлённо поглядела на служительницу, и ей почему-то показался знакомым этот голос, и закралось ощущение, что она давно знает эту худую и невыразительную женщину.

— Да, случилось... У меня большое горе... — Людмила тихо заплакала, у неё уже не было никаких сил сдерживать слёзы.

— У вас кто-то умер? — осторожно поинтересовалась женщина за лавкой.

Людмила принялась вытирать ладонями стекающие по щекам обильные слёзы, у неё не было с собой даже носового платочка, он тоже остался в позабытой сумочке, затем неуверенно ответила: — Нет... Никто не умер... Слава Богу...

Служительница протянула ей пару чистых бумажных салфеток. Людмила взяла и аккуратно вытерла лицо насухо.

— Спасибо.

— Может, у вас кто-то тяжело захворал? — снова спросила женщина.

Людмила почувствовала некоторое расположение к служительнице и откровенно ответила ей: — У меня тяжело хворает муж... Он перенёс инсульт и едва не умер... Но теперь он поправляется, хотя ещё и очень слаб.

— Так какое же у вас горе? — прозвучал новый вопрос.

Людмила задумалась. В самом деле, никто у неё не умер, все живы. Николай хоть и болен, но потихоньку выздоравливает. Так чего же она так убивается и расстраивается?

— Нас... выселят из квартиры!.. — горячо произнесла Людмила.

— За что?

— Мы вовремя не заплатили банку проценты за ипотеку.

— И вам негде будет жить?

— Наверно... Хотя, когда продадут квартиру и заберут долг, ещё останутся какие-то деньги. Может быть, хватит на однокомнатную квартиру... или на деревенский дом.

— Ну, так значит, вы всё-таки не на улице окажетесь. Какая-то крыша будет над вашей головой. И то слава Богу! — служительница перекрестилась.

Людмила уже окончательно успокоилась и, решившись, скромно попросила собеседницу: — Извините, вы не могли бы дать мне в долг одну свечечку... за рубль? Я позабыла на работе сумочку с кошельком... и платок на голову... Я обязательно вам верну денежку.

Служительница подала ей небольшую красную свечку и сердобольно ответила:

— Ну что вы! Возьмите так. Я вас знаю. Вы постоянно ставите свечу святому Пантелеймену

Целителю. Возьмите. Спаси, Господи! — женщина слегка поклонилась.

Людмила обрадовалась доброму сочувствию этой бледной женщины, но её она совершенно не помнила. Покупая свечи в этом храме, Людмила никогда не обращала внимания на того, кто стоит за лавкой. Ей казалось, что там каждый раз стоит одна и та же старушка, которую она никогда и не разглядывала. А вот надо же, эта служительница хорошо запомнила её, редко заходящую, случайную, чужую и постороннюю, и даже обратила внимание на то, перед какими образами она ставит свечи. И это очень тронуло.

— Спасибо! — Людмила тоже поклонилась в ответ с искренней благодарностью.

Взяв свечу, она задумалась: кому же её поставить? Потом подошла к большой иконе Николая Чудотворца, висевшей на стене справа возле окна, зажгла свечу от еле теплящейся лампадки и поставила в пустой поставец.

Людмила с глубокой надеждой поглядела на изображение пожилого седовласого мужчины с грустными тёмными глазами и аккуратной седенькой бородкой, облачённого в архиерейскую мантию и с золотистым нимбом вокруг головы. Он же глядел на женщину глазами, полными слёз, и бережно держал в руках свою книгу.

«Помоги мне!» — пронзительно, почти криком, мысленно попросила Людмила святого угодника. Перекрестившись, она нагнулась и поцеловала икону, а затем, попрощавшись с доброй служительницей, вышла из храма на улицу.

6.

Вернувшись на работу, Людмила Григорьевна прежде всего снова зашла в кабинет к своему начальнику. Тот, увидев её, насторожился. Сразу с порога она произнесла с глубокой искренностью: — Алексей Вениаминович, я зашла принести вам свои извинения. Я наговорила много дерзостей и невольно оскорбила вас. Простите меня, пожалуйста!

Начальник снял очки и поглядел на Людмилу с радушным удивлением. Помедлив, покивал головой и ответил ей с доброй, почти дружеской интонацией в голосе:

— Я принимаю ваши извинения, Людмила Григорьевна. Я понимаю, что вы были в очень расстроенных чувствах, и не держу на вас зла. Если бы я распорядился финансами, я, не задумываясь, оказал бы вам помощь. Но это не в моей компетенции. Простите!

— Я прошу у вас прощения не потому, что боюсь наказания — я уже ничего не боюсь! Просто вы, Алексей Вениаминович, оказались крайним, и я, не сдержавшись, выплеснула свой гнев на вас, — Людмила говорила горячо, с чувством прижимая руки к груди, и волнение снова охватило

её. — Я искренне прошу у вас прощения потому, что устыдилась своего гнева и отчаяния. И мне правда совестно перед вами, ведь мы работаем вместе уже почти двадцать лет.

Алексей Вениаминович выдвинул нижний ящик своего стола и достал оттуда пухлый конверт, протянул Людмиле Григорьевне:

— Люда, вот, возьми! Здесь тридцать тысяч. Мне пока не понадобится в ближайшее время. А потом отдашь.

Людмила с благодарностью посмотрела на начальника и покачала головой:

— Спасибо, Алексей Вениаминович... Но мне неудобно... брать у вас лично...

— Да брось ты! — начальник виновато улыбнулся. — Я отложил эти деньги, чтобы купить себе новый ноутбук. Но пока и старый хорошо работает. А тебя это может выручить. Возьми!

Людмила не решалась взять конверт:

— Спасибо. Но меня эта сумма никак не выручит. Надо ещё сто пятьдесят...

— Слушай, я поговорю ещё с двумя начальниками. Думаю, что они тоже по тридцать тысяч одолжат. Не облезут! Вот уже и половина суммы наберётся, — Алексей Вениаминович глядел на Людмилу доброжелательно. — Ты, главное, не отчаивайся! Что-нибудь придумаем. Когда надо рассчитаться?

— Через шесть дней.

— Давай зайди послезавтра! Я постараюсь помочь. А сейчас возьми то, что есть! — начальник держал конверт в протянутой руке.

— Алексей Вениаминович, пусть пока они у вас останутся. Если вы сможете мне помочь с деньгами... Если вы выручите меня... — Людмила снова заплакала, но уже не от отчаяния, а от благодарности.

— Ну, хорошо! Послезавтра зайди обязательно! — начальник убрал конверт в стол. — Потрясём наших боссов.

— Вы добрый и отзывчивый человек! Дай вам Бог здоровья и счастья! — Людмила не находила других слов, чтобы выразить свою внезапную благодарность к начальнику.

Алексей Вениаминович покачал головой:

— Люда, я очень уважаю тебя... Ты замечательная. Ты хороший работник... Ну, всё... Ступай, пожалуйста!

Людмила Григорьевна с некоторым облегчением на душе вышла из кабинета и вернулась на своё рабочее место ведущего инженера-технолога — за огромный стол, заваленный чертежами, таблицами и разными бумагами. Она погрузилась в работу, забыв на время свои печали.

До конца рабочего дня оставалось ещё больше часа, и сотрудницы, в основном молодые и легкомысленные бабёнки, устроенные кто по протекции, кто по блату, сидевшие в большом просторном кабинете вместе с Людмилой, тихо обсуждали

какие-то сплетни, стараясь не тревожить её. Они знали о её проблемах и искренне сочувствовали ей.

Ровно в пять, когда закончился рабочий день и молодые сотрудницы с радостным щебетом торопливо засобирались домой, на столе у Людмилы Григорьевны зазвонил городской телефон. Она подняла трубку:

— Алло!

Зазвучал знакомый, громкий и бодрый голос: — Здравствуй, Людочка!

Людмила Григорьевна на минуту растерялась — она была удивлена и не знала, как ответить. Наконец неуверенно произнесла:

— Здравствуй... Толик...

— Не ожидала? А я подумал: чего я буду ждать целую неделю?! Время идёт, а его и так мало... У меня сегодня не очень много дел оказалось, и я уже освободился с работы. Вот и решил позвонить тебе, узнать, как твоё настроение.

В голосе Анатолия было столько обаяния, что Людмила сразу почувствовала к нему невольное расположение, но всё же осторожно поинтересовалась:

— А как ты узнал мой рабочий телефон?

Она и сама удивилась, но в её голосе послышались кокетливые нотки.

— Ты думаешь, что это так трудно — узнать рабочий телефон Людмилы Григорьевны Архиповой, в девичестве Кузовлёвой, которая проживает... и которая работает ведущим инженером-технологом?.. Людочка, не забывай, что я большой начальник и у меня огромный опыт по отысканию нужных мне людей, — Анатолий Юрьевич хохотнул. — Ну, так как же твоё настроение? Устала после трудового дня?

Людмила неожиданно прониклась к Анатолию чувством тёплой благодарности за его искреннее участие, за его обаяние, такт и ласковый голос.

— Ты знаешь, Толик, у меня сегодня был очень трудный и не совсем приятный день. Мне пришлось пережить немало волнений. Я сорвалась в истерику — нахамила начальнику, милому и доброму человеку, а затем чуть не убежала на край света. Мне очень непросто сейчас, — Людмила Григорьевна разговаривала с Анатолием так, как будто это происходило почти тридцать лет назад и рядом с ней было просто Толик Косолапов, её одноклассник и школьный друг.

Какая-то невидимая нить вдруг протянулась от него через пространство и нежно коснулась её. Людмила едва ли не физически ощутила это прикосновение из той далёкой юной поры. Ей стало несказанно приятно. Но она всё же спохватилась, ей стало неловко и даже немного стыдно за свою доверчивость и почти интимную откровенность. И тем более она испугалась того мнимого,

виртуального мужского прикосновения, которое так явственно почувствовала на себе.

Она ожидала, плотно прижав трубку к уху, что скажет Анатолий, и слышала только учащённое биение своего сердца.

— Знаешь, Люда... — Анатолий заговорил мягко, ласково, как будто находясь рядом с ней, над её ухом, как будто бы видя её волнение и чувствуя все её переживания. — Давай сходим куда-нибудь... Посидим... Поговорим по душам... Я приглашаю тебя.

Людмила молчала, ей было и приятно, и радостно, и какой-то лучистый радужный свет вдруг озарил её изнутри. Она и сама не могла понять, что же с ней происходит. Ей хотелось закричать Анатолию: «Да, я согласна!» Но по природной женской скромности она сдержалась и, потянув паузу, как бы нехотя, с напускным равнодушием спросила: — А куда приглашаешь?

Теперь Анатолий Юрьевич выдержал паузу, а затем произнёс с заметным волнением:

— Через десять минут выходи на улицу! Я заеду за тобой на машине! — в его голосе послышался юношеский задор.

— На такси? — растерянно спросила Людмила, удивляясь своему неожиданно вырвавшемуся глупому вопросу.

— У меня есть служебный автомобиль с личным шофёром. Всё, выходи! Я скоро буду! — почти приказал твёрдым голосом Анатолий и положил трубку.

Людмила Григорьевна ещё некоторое время с удивлением слушала гудки в телефонной трубке, и они казались ей продолжением незавершённого разговора.

7.

Людмила Григорьевна стояла неподалёку от входа в своё родное научно-производственное объединение «Оптикон», многоэтажное бетонное здание с большими квадратными окнами.

Она была одета в повседневную одежду: белую льняную блузку с вырезом и тёмно-синюю короткую юбку из плотной ткани. Так ей было удобно ходить на работу, тем более что часто приходилось надевать поверх строгий белый халат для посещения лабораторий и цехов. На ногах у неё были светлые плетёные босоножки, а свои длинные выходящие волосы она распустила по плечам, сразу став похожей на сказочную русалку.

Неожиданное приглашение Анатолия застало её врасплох, и ей, конечно же, хотелось быть одетой более празднично. Но даже и в повседневном наряде она чувствовала себя вполне уверенно, потому что знала: ей всё к лицу.

У неё была женственная, хорошо сложенная фигура античной статуи: пропорциональные, средней длины, плотные ноги, широкие дугообразные бедра, тонкая талия, средних размеров высокая и

выпуклая грудь, покатые и узкие плечи, длинная грациозная шея. Тёмно-русые пышные волосы волнисто спадали на спину ниже плеч и струились при каждом её движении. Лицо её было округло, миловидно, с небольшими, пухлыми, немного подкрашенными губами, а крупные серо-голубые глаза обрамляли длинные тёмные ресницы.

Никто и никогда не мог определить её истинного возраста. У неё не было морщин ни на лице, ни на шее, ни на теле, её кожа была гладкой, упругой и нежно-розовой, и в свои сорок четыре года она выглядела свежо и молодо — гораздо моложе своих лет.

Прошло десять минут. Мимо проезжали разные машины. Людмила ждала и была уверена, что Анатолий приедет обязательно.

Рядом с ней затормозил красивый чёрный автомобиль, на радиаторе которого красовалась хромированная эмблема, изображающая трёхлопастной пропеллер внутри кольца. Отворилась передняя дверца, и вышел улыбающийся Анатолий Юрьевич. Он был одет в строгий чёрный костюм с белой рубашкой и чёрным узким галстуком и обут в чёрные лакированные туфли. Протянув Людмиле цветок благоухающей лилии, он галантно поцеловал её руку.

— Прощу, садись, пожалуйста! — Анатолий услужливо распахнул заднюю дверцу, дождался, пока Людмила удобно устроится, и затем сел рядом с нею.

Шофёр, тоже в чёрном костюме, с короткой стрижкой и в тёмных очках, ждал распоряжения. — Поехали! Куда я наметил, — приказал Анатолий Юрьевич начальственным тоном.

Машина тронулась с места и почти беззвучно покатила вперёд. Они ехали не спеша. Людмила Григорьевна чувствовала необычайный комфорт в обитом светлой кожей салоне иностранного автомобиля и с интересом наблюдала через окна проплывающие мимо очертания знакомых улиц и зданий. Ей нечасто приходилось развезать по родному городу на легковой машине, всё больше на автобусе, и хорошо известные ей дома, мелькающие за окнами, сейчас выглядели непривычно и казались удивительно красивыми.

— Знаешь, Люда, — заговорил Анатолий Юрьевич. — Вот ты стояла там, ждала, а я, подъезжая, уже издалека любовался тобой. Ты необыкновенно красивая женщина! — Анатолий произносил слова с трепетной интонацией в голосе, и Людмиле было необыкновенно приятно слушать его.

— Спасибо за комплимент! Ты очень галантен! — произнесла она в ответ, удивляясь, почему же ещё не стореда со стыда, слушая такие льстивые речи от мужчины, который не был её мужем. — А куда мы едем? — поинтересовалась она.

Анатолий сидел, чуть отодвинувшись, вполборота, и глядел на неё с нескрываемым восхищением. Людмила сильно смутилась, отвела взгляд

и почувствовала наконец, как жаркая краска стыда прилила к её лицу.

— Я заказал столик в «Золотом олене», — многозначительно произнёс Анатолий.

— Да ты что! — воскликнула Людмила. — Это же самый дорогой ресторан в нашем городе! Там только богатые бизнесмены и большие начальники тусуются! Ты что, любишь сорить деньгами?! — она разволновалась, не желая попасть в нелепое положение. — Может, поедем куда-нибудь в другое место? Где подешевле! Правда, Анатолий. . .

Он сердито перебил её:

— Люда, я не бедный человек! Я хорошо зарабатываю и вполне могу позволить себе пригласить даму в приличный ресторан! — помолчав, назидательно добавил: — А деньгами я вовсе не люблю сорить. Я ценю и уважаю деньги! И, в конце концов, может, это наш первый и последний поход в ресторан.

Эти слова немного кольнули Людмилу, но она снова попробовала возразить:

— Но я не в вечернем наряде. . . Я не ожидала, что ты пригласишь меня в ресторан. Думала, что мы просто выпьем где-нибудь по чашке кофе. . . — Людмила почему-то заговорила немного капризным тоном, слегка растягивая слова, как будто прислушиваясь к собственному женственному грудному голосу, так гармонично сочетающемуся с бархатным баритоном Анатолия. — Это так неожиданно для меня! — Ты прекрасна в любом наряде! — с нескрываемым восторгом произнёс Анатолий Юрьевич.

Они оба замолчали и до конца пути не проговорили ни слова, как будто старались сохранить какую-то давно известную им тайну. Водитель в тёмных очках тоже хранил суровое молчание и сосредоточенно управлял автомобилем.

8.

Они наконец подъехали к ресторану «Золотой олень» — большому двухэтажному зданию современной архитектуры, облицованному сияющими зеркальными панелями с аквамаринным отливом.

На невысоком широком крыльце возле входа стоял молодой чернявый швейцар в красном длиннополном камзоле с золотыми галунами. Он шустро подскочил к подъехавшему автомобилю и услужливо распахнул дверцу с учтивым актёрским полупоклоном: «Прощу-с!»

Людмила и Анатолий вошли через автоматически раздвинувшиеся стеклянные двери в ресторан и, пройдя через просторный вестибюль, поднялись по широкой двухмаршевой лестнице в огромный обеденный зал.

Свободных столов было предостаточно, так как публика ещё не подтянулась к вечерней программе. Гостей учтиво встретил администратор, молодой подтянутый мужчина с повадками и бакенбардами английского лорда, и провёл их к столу возле окна и неподалёку от эстрады — место

вполне почётное и удобное. Стол был покрыт нежно-голубой узорчатой скатертью и сервирован изящными приборами.

Анатолий Юрьевич сам отодвинул стул для дамы, позволяя Людмиле Григорьевне сесть поудобнее, и приказным жестом отправил администратора исполнять свои распоряжения.

Людмила огляделась. Она впервые попала в ресторан «Золотой олень», хотя открыли его ещё два года назад. У них с Николаем Матвеевичем никогда не было лишних денег, чтобы ходить по таким шикарным и дорогим ресторанам. Они изредка довольствовались только недорогими кафе, отмечая там важные семейные события. Людмила глубоко вздохнула.

Просторный зал ресторана выглядел необычно: он имел форму вытянутого овала и был выполнен в модерновом стиле, в голубовато-серебристых тонах, с обилием никелированных конструкций и зеркальных панно. Над эстрадой, белым островом возвышавшейся в центре зала, под высоким потолком из ажурных хромированных ферм висела, медленно вращаясь вокруг своей оси, фигура стремительно мчащегося золотого оленя с огромными закинутыми назад рогами и разинутой оскаленной пастью. Олень выглядел загадочно и пугающе.

Людмила непроизвольно поёжилась от такой натуралистической экспрессивной скульптуры северного животного.

Из динамиков, спрятанных по периметру зала, звучала тихая электронная музыка, напоминавшая мелодии из фантастических фильмов про космос. — Здесь здорово! — с восхищением произнесла она и с интересом поглядела на сидевшего напротив Анатолия.

Тот, улыбнувшись, вкрадчиво спросил:

— Тебе нравится здесь?

— Да! Здесь необыкновенно. Только олень выглядит как-то странно. Даже страшно.

— Сюрреализм! — Анатолий повернулся в сторону вращающейся скульптуры. — Этого оленя сделали в Испании. Вроде бы ученик самого Сальвадора Дали изготовил его по заказу хозяина этого ресторана. — А кто хозяин ресторана? — поинтересовалась Людмила. — Ты его знаешь?

Она всё-таки начала испытывать некоторую неловкость в этом необычном заведении и попыталась за разговором преодолеть своё стеснение.

Анатолий пристально высматривал официанта и, похоже, начинал сердиться на нерасторопность обслуживания. Повернувшись к Людмиле и помячав лицом, ответил, стараясь поддержать разговор: — Да, знаю. Это один московский предприниматель. Моя контора помогла ему получить кредит на строительство этого ресторана. И хотя сумма была немалая, кредит он уже почти погасил... Умеет вести бизнес. Ресторан процветает. В Северогорске вообще много обеспеченных и богатых людей.

Всё-таки у вас промышленность, оборонка, нефть, газ, металлы. Город небедный.

Услышав слова про кредит и богатых людей, Людмила почувствовала острую досаду, и её настроение сразу же сползло вниз. Воспоминания о сегодняшних бурных событиях снова начали одолевать её.

Наконец подошёл с важным видом официант средних лет, в белом сюртуке с позолоченными пуговицами, и принёс на широком золочёном подносе бутылку белого вина, фрукты и закуски. Ловко расставив всё на столе, он аккуратно разлил вино в высокие хрустальные с золотистым отливом фужеры и, вежливо поклонившись, мягко пророкотал: — Приятного аппетита!

Анатолий Юрьевич передумал сердиться на официанта за некоторую задержку и, смягчившись, почти что ласково попросил:

— Голубчик, ты поторопись с блюдами! Мы голодны и очень хотим кушать!

— Не извольте беспокоиться. Через десять минут всё подам в наилучшем виде! — официант снова с достоинством поклонился и мгновенно исчез. — Вот и ладненько! — Анатолий Юрьевич с улыбочкой повернулся к Людмиле и взял в руки фужер, подняв высоко вверх, торжественно произнёс тост: — Позволь, Людочка, первый бокал выпить за тебя!

Она непроизвольно кивнула, соглашаясь. — Ты прекрасная женщина! — продолжил тост Анатолий. — Красивая, умная, обаятельная. Я всегда восхищался тобой, восхищаюсь сейчас и буду восхищаться всегда. Будь всегда такой же красивой, необыкновенной и неуязвимой!

Они осторожно сблизили фужеры, чокнулись, звякнув хрусталём, и сделали по глотку. Вино было необычайно приятно: тонкие ароматы медвяных цветов, лесных ягод, луговой свежести и восточных пряностей необычно сочетались в волшебном вкусовом букете. Такого вина Людмила ещё никогда не пробовала.

Она маленькими глоточками выпила до дна, и лёгкое, воздушное ощущение стало наполнять её тело. Она почувствовала приятное расслабление, и накопившееся за день нервное напряжение покинуло её.

— Это французское вино. Самое лучшее! — Анатолий подвинул ей тарелочку с необычного вида закуской. — А вот попробуй, пожалуйста!

— Что это?

— Попробуй, сама узнаешь!

Людмила наколола вилкой крупную дольку какого-то непонятого фрукта, присыпанного специями и сахарной пудрой, и осторожно откусила. — М-м-м, как вкусно! Так что же это?

— Это такой экзотический заморский фрукт, направленный ванилью, орехами и пряностями. Да я и сам толком не знаю! — Анатолий искренне рассмеялся. — Ты что, думаешь, я такой утончённый гурман и знаю все гастрономические прелести?

Людмила пожалала плечами.

— Думаешь, что я не вылезая из ресторанов? — продолжал Анатолий. — Напрасно так думаешь! Представь себе, в этом году я вообще в первый раз пришёл в ресторан. Ну, если не считать, что в Москве пару раз сходил на банкет к друзьям.

Людмила Григорьевна очень внимательно глядела на Анатолия: его мужское обаяние не ослабевало, а только усиливалось. Но она пыталась сопротивляться этому обаянию и критично оценивала его, обращая внимание на мелочи в его поведении и словах. В нём постепенно проявлялся какой-то другой человек, совсем незнакомый ей, и это вызывало у Людмилы особое любопытство и почему-то настойчивость.

— А я ничего и не думаю про тебя! Просто я пытаюсь понять, какой ты и что в тебе осталось от того славного парня Толика Косолапова, — задумчиво произнесла Людмила.

— Много осталось? — Анатолий снова налил вина и хитро подмигнул ей.

— Знаешь, когда мы сидели у нас дома и разговаривали втроём, мы все были как будто семнадцатилетними школьниками, одноклассниками, старыми друзьями. Как будто весь наш разговор проходил тогда, почти тридцать лет назад, сразу после выпускного бала. Ты помнишь? — Людмила опустила взгляд и уже не глядела на Анатолия.

Она говорила немного отстранённо, то повышая, то опуская голос, и её речь плавно текла над столом, заставляя Анатолия следовать её воспоминаниям. Он слегка кивал и глядел куда-то поверх её головы, улыбаясь и покручивая пальцами ножку фужера. — А сегодня у нас какая-то необычная встреча. И совсем необычный разговор! — с неожиданным чувством произнесла Людмила и тут же с решительной прямотой спросила: — Скажи честно, Толик, зачем ты пригласил меня в ресторан?

Анатолий немного напрягся и бросил на неё многозначительный, очень выразительный взгляд, в котором мелькнула какая-то тёмная молния.

— Мне хотелось поговорить с тобой вдвоём... без Николая. Наедине... Как тогда! Помнишь?

9.

В начале мая, незадолго до выпускных экзаменов, Толик пригласил Людочку в кино.

Коля болен, а Сашка уехал на три дня в соседний город на соревнования по плаванию. Обычно они всегда ходили в кино всей дружной компанией, вчетвером. Но на этот раз половина коллектива не смогла принять участия в культурном мероприятии.

Людмиле очень хотелось пойти на новый французский фильм. Но она уже испытывала к Николаю более чем приятельские чувства и имела перед ним определённые обязательства. И она никогда серьёзно не задумывалась о том, как к ней

относятся остальные парни из их дружной четвёрки: Саша и Толик.

Впрочем, Саша подчёркнуто дистанцировался от Людья и нарочито вызывающе ухаживал за остальными девчонками из класса. Но она знала, что они все: и Коля, и Толик, и Саша, — испытывали к ней очень сильную симпатию, выходящую за рамки простой дружбы.

Как только Людмила начала из всех выделять Николая, то Саша сразу же занял позицию отстранённого и незаинтересованного товарища, и только Анатолий по-прежнему продолжал настойчиво оказывать ей знаки своего особого внимания.

Поначалу Людья и сама не могла толком понять, кто же на самом деле ей нравится больше. Анатолий был симпатичным высоким парнем, он нравился многим девчонкам, которых, однако, совсем не замечал из-за своей симпатии к Людочке. Анатолий был остроумен, обаятелен, умел быть заводилой и душой коллектива. Но Людья замечала, что он, особенно в компании, всё делал и говорил с изрядной долей самолюбования, красуясь, иногда даже позёрствуя и горделиво подчёркивая своё превосходство над товарищами. Людмиле была неприятна эта черта его характера.

А вот Николай, будучи невысоким, коренастым, мускулистым парнем, обладал очень скромным и простым характером. Он был не менее остроумным и находчивым, чем Анатолий, но никогда не выпендривался и не демонстрировал свои особые таланты. Николай был добрым, открытым, отзывчивым и прямолинейным, и Людмилу это сильно притягивало. Она интуитивно чувствовала добродушие и надёжность Николая и скрытую экзальтированность, эмоциональную неуравновешенность Анатолия.

Однажды она про себя решила, наконец, что скорее всего будет с Колей. Может быть, навсегда. Хотя в реальности ещё и не помышляла о серьёзных отношениях с парнем, который ей нравился, и тем более ещё не строила планов о создании семьи вместе с ним.

И всё же иногда она думала об Анатолии, хотя её потаённая женская интуиция предостерегала и подсказывала, что с ним она не будет счастлива.

В тот вечер Толик позвонил ей и пригласил в кино:

— Пойдёшь?!

Он долго дожидался её ответа. Людья колебалась. — Коля болеет, а Сашка на соревнованиях, — неуверенно пробормотала она.

— Пойдём вдвоём! Я тебя приглашаю. Совсем новый французский фильм... — голос его слегка дрожал. Помолчав, добавил: — Про любовь!

Через телефонную трубку передавалось сильное напряжение Анатолия.

И Людья согласилась.

— Давай возле кинотеатра без десяти семь! Билеты уже у меня на руках! Жду! Приходи обязательно! — голос Толика зазвенел от счастья.

Кинозал был набит битком. Стояли боковые стульчики, а многие просто сидели на ступеньках в проходах. Люда и Толик смотрели эту картину очень внимательно. Хорошо дублированный головами популярных советских артистов, с красивыми французскими актёрами, ярко и искренне игравшими драматичную любовь с трагическим финалом, этот фильм тронул многих зрителей до глубины души.

После сеанса люди расходились потрясёнными и задумчивыми, некоторые взрослые женщины взволнованно вытирали слёзы, а мужчины нервно закуривали.

Люда тоже находилась под сильным впечатлением от просмотренного фильма. Толик молчал, но, выйдя из кинотеатра, предложил:

— Может, погуляем немного? Ещё нет девяти! А потом я провожу тебя до дома.

Люда кивнула, и они неспешным шагом двинулись по центральному проспекту Северогорска.

Стоял тёплый весенний вечер. В приполярных широтах в это время суток было ещё достаточно светло. Редкие деревья на газонах возле домов уже распускали листочки, а на клумбах зеленели всходы декоративной травы. Погода располагала, и по проспекту гуляло довольно много народа.

Анатолий осторожно взял Людмилу под руку, она сразу же перехватилась и взяла его под согнутый локоть, чуть прижавшись к нему, и они пошли уже как взрослая пара. Даже с Николаем Людмила редко хаживала под ручку. А теперь её охватила внезапная гордость, и она почувствовала себя совсем взрослой женщиной.

Болтая о пустяках и предстоящих экзаменах, они дошли до конца проспекта, который упирался в большой сквер с чугунным памятником металлургам. Толик предложил посидеть на скамейке, и они выбрали место неподалёку от большого газона, ещё только-только вскопанного перед посадкой цветов.

Народу в сквере было не очень много: на лавочках сидели тихие влюблённые парочки, поодаль шумная группка молодёжи громко галдела и залиристо смеялась, ещё несколько степенных пар неспешно флианговали по круговой площадке.

Людмила и Анатолий присели на свободную скамейку, за которой высидели тонкоствольные рябинки с едва распустившимися листочками. Лёгкий ветерок доносил с таёжной окраины запахи весенней зелени и смолистый аромат. Им было хорошо вдвоём.

Толик что-то рассказывал Людмиле, но она слушала невнимательно, часто теряла нить его рассуждений, изредка рассеянно кивала головой и погружалась в свои упорно набегающие мысли.

— Ты меня не слушаешь? — с лёгкой досадой спросил Толик. — О чём ты думаешь?

Люда улынулась и, глядя куда-то в небо, блаженно пролепетала:

— Я чувствую себя такой счастливой!

— Это потому, что я рядом с тобой! — очень серьёзным голосом произнёс Анатолий.

Людмила внимательно поглядела на него, удивившись его прямолинейности, пожалала плечами и снова как ни в чём не бывало произнесла:

— Нет! Я счастлива потому, что просто живу! Потому, что живу в такой чудесной стране, как наш Советский Союз. Потому, что я скоро окончу школу и начну взрослую жизнь. Я просто счастлива! — А я, Люда, счастлив потому, что ты сейчас рядом со мной! — Толик взял её ладонь и осторожно притянул к своей груди. — Чувствуешь, как бьётся моё сердце?

Людмила сильно смутилась, но не спешила отнять руку. Она действительно очень хорошо почувствовала сильный и учащённый ритм его сердца. И всё же убрала руку и робко произнесла: — Не надо, Толик...

— Почему?! — он снова попытался взять её ладонь, но она уже торопливо спрятала её за спину. — Почему не надо? Я давно хочу тебе сказать, что отношусь к тебе не так, как Сашка или Коля... — голос Толика прерывался от волнения. — Ты всем нам нравишься... Как девушка... Как женщина... Уже давно!

Людмила взглянула на него с настороженным любопытством.

— Но только Сашка делает равнодушный вид, а Колька уверен в своей неотразимости и в том, что ты обязательно отдашь своё предпочтение ему! — продолжал он, и волнение его усиливалось. — Сашка отказался бороться за тебя. А Колька не борется за тебя потому, что уверен в своей победе. И только я, Люда, — слышишь? — с жаром произнёс Толик и придвинулся к ней вплотную, — только я, я буду бороться за тебя!

Людмила решительно встала со скамьи и повела плечами — она тоже сильно разволновалась, и ей не хотелось дальше продолжать этот странный и одновременно приятный, но тяжёлый для неё разговор. Она оказалась просто не готова к нему. — Пойдём домой! Я устала. И уже поздно! — твёрдо произнесла Люда, стараясь не глядеть на своего товарища.

Тот некоторое время молчал, а потом тоже поднялся со скамьи. Он был почти на голову выше Людмилы и, наклонившись к ней, снова с горячим чувством заговорил:

— Люда, неужели ты меня не слышишь? Или не понимаешь? Или не хочешь понимать? Разве ты не понимаешь, как я отношусь к тебе?! И что испытываю к тебе?

— Пойдём домой, Толик! — уже настойчиво попросила Людмила и потянула его за рукав куртки.

Она по-прежнему не глядела на него, опустив взгляд и немного повернув голову в сторону. Она скрывала свою крайнюю взволнованность от его откровенных слов, означающих почти признание в любви, и вдруг начала испытывать какой-то необъяснимый страх.

— Люда, если я сейчас просто скажу, что люблю тебя, то это будет истинной правдой. Но этого будет так мало, чтобы передать всю полноту моего чувства к тебе. Ни эта фраза, никакие другие слова не смогут выразить всего, что я к тебе испытываю. И никто никогда больше не скажет таких слов и не выразит так своих чувств!—Анатолий произнес слова с необычайным напором и жаром.— Все, кто любит тебя сейчас и кто будет любить потом, будут говорить тебе банальные слова о любви. Они будут произносить стандартные, избитые фразы и никогда не передадут тебе и десятой доли того, что сейчас испытываю я!..

На несколько секунд он остановился, чтобы перевести дух, и снова потекла его горячая речь:— От волнения я забываю нужные слова, теряю рассудок, путаюсь в логике, понимая, что тоже начинаю говорить банальности и пошлости... Я, наверно, повторяюсь, но я не могу иначе выразить свою любовь к тебе. Люда!

Он снова взял её руку и теперь крепко держал в своих ладонях, и Люда чувствовала бешеную пульсацию его крови и понимала, как чрезвычайно он взволнован. У неё вдруг начала кружиться голова, в ушах громко зазвенело, её сердце тоже учащённо забилося, а в ногах возникла ватная мягкость. Необъяснимое сладкое ощущение появилось где-то внутри неё и стало растекаться по всему телу. Ей неожиданно захотелось, чтобы Толик вот так долго-долго держал её руку и говорил такие безумные слова с такой горячей страстностью...

Но вдруг пелена этого сладкого наваждения спала, и Людмила как будто бы очнулась, пришла в себя и громко, с сердитой строгостью произнесла:— Я хочу домой! Проводи меня!

Всё неожиданно закончилось. Растворилась головокружительная атмосфера сладких горячих слов, улеглась волна сердцебиения, успокоилась кровь, и голова Людмилы вновь стала лёгкой и ясной.

Анатолий отпустил её руку и некоторое время растерянно стоял возле неё, уже не решаясь заговорить снова. Затем он развернулся и, согнув локоть, подставил ей свою руку. Люда непринуждённо взяла его под руку, и они молча направились домой.

Так всю дорогу Толик не произнёс ни единого слова, а Людмиле хотелось, чтобы он по-прежнему разговаривал с ней о чём-нибудь отвлечённом. Его мрачное молчание угнетало, и ей хотелось как-нибудь развеять эту неловкую обстановку. Людмила ожидала простого легкомысленного разговора о предстоящих экзаменах, о поездке вместе

с ребятами на рыбалку, о том, куда они собираются поступать после школы, и о других юношеских пустяках. Но Анатолий шагал рядом и с какой-то сосредоточенной торжественностью упорно молчал. Он был не здесь, не с ней, не в Северогорске, он витал где-то высоко в облаках, и постепенно его лицо просветлялось: мрачное выражение исчезло, и ему на смену пришла странная блаженная улыбка.

Людмила ощутила излучающееся от Толика тёплое радостное сияние и вдруг пожалела, что не дослушала его до конца и не ответила на его искренние слова взаимностью. Теперь уже она шла рядом с ним совершенно растерянная, немного напуганная, думающая о всяких пустяках и такая обыкновенная и приземлённая. Люда вдруг осознала, что она ещё до сих пор остаётся глупой и наивной девочкой, совсем не готовой для взрослой, настоящей и страстной любви. А рядом с ней шагал не наивный и романтичный мальчик, а уже вполне взрослый мужчина, готовый к любви настоящей, сильной, плотской, самоотверженной и жертвенной. И Люда ощутила себя совсем маленькой, инфантильной и смешной дурочкой в детских бантиках. И ей почему-то стало очень стыдно.

Они наконец дошли до её подъезда. Уже наступили глубокие сумерки. На третьем этаже светилося её окно. «Папа не спит»,—подумала Люда и повернулась к Толику, чтобы попрощаться.

Анатолий неожиданно схватил её обеими руками за голову и, с силой притянув к себе, крепко поцеловал в губы. Отпрянув от неё, отпустил и, ничего не сказав на прощание, развернулся и быстро зашагал прочь твёрдой и уверенной походкой.

На следующий день в школе Толик делал невозмутимый вид, что будто бы между ними ничего не произошло и никакой встречи и никакого разговора у них не было вовсе. Их отношения по-прежнему оставались просто приятельскими. И больше никогда Анатолий не заводил с Людмилой разговора о своей любви.

Они сдали экзамены, получили аттестаты зрелости, весело отгуляли выпускной бал и разъехались кто куда. Люда уехала в Новосибирск и поступила в технологический институт. Туда же, в Новосибирск, только в политехнический, поступил учиться и Николай. Сашка поехал поступать в Красноярск, в школу речного пароходства, и его след надолго потерялся. А Анатолий уехал то ли в Москву, то ли в Ленинград. Он совсем перестал писать и молчал несколько лет.

На третьем курсе Людмила и Николай поженились, и им дали комнату в семейном общежитии. А через год у них родился сын Саша.

После получения дипломов семья Архиповых—Коля, Люда и маленький Саша—вернулась в свой родной Северогорск. Молодые специалисты устроились на хорошую и интересную работу. Николай стал инженером на механическом заводе,

а Людмила со временем стала ведущим инженером-технологом на предприятии «Оптикон», работающем на оборонную промышленность.

Где-то лет через шесть после окончания школы, уже в Северогорске, Люда случайно встретила Анатолия на улице, он шёл вместе со своей мамой и младшей сестрой. Он увидел её, обрадовался, подошёл, поздоровался, но тут же спохватился: — Извини, Люда, я очень тороплюсь. Завтра уезжаю, а сейчас мы идём в гости к родственникам. Давай я тебе позвоню попозже вечером, хотя бы по телефону поболтаем. Привет Николаю!.. — бросил на неё восхищённый взгляд. — Ты молодец!

И побежал догонять ушедших вперёд мать и сестру.

Но он не позвонил... После той встречи на улице они увиделись только через двадцать с лишним лет.

10.

Людмила и Анатолий продолжали сидеть в ресторане «Золотой олень».

Зал постепенно заполнился, и почти все столики оказались заняты. Стало шумно, некоторые курили, сизый дым поднимался кверху и вытягивался мощной вентиляцией. Анатолий тоже выкурив две сигареты и мял в руках уже третью.

Им подали сначала закуски, а потом и горячие блюда: изысканно приготовленную отбивную из свинины, с сыром, мускатным орехом, пряностями, лимонными дольками и ромовым соусом. Закуски обновлялись: снова появлялись рыбное и мясное ассорти, овощные нарезки и причудливые салаты. Вино было допито, им принесли вторую бутылку, и она тоже приближалась к опустошению. Они выпивали, закусывали, весело болтали, смеялись и чувствовали необыкновенную радость.

Людмила Григорьевна на время позабыла про все свои печали, она общалась со старым другом из своей юности и испытывала к нему невероятную благодарность за его чудное мастерство устроить такой необыкновенный праздник для неё.

Анатолий Юрьевич тоже радовался своему возвращению в эпоху юношеских переживаний и забытых чувств, с неожиданной силой всплывших из глубин его памяти. Он сидел рядом с необыкновенно красивой женщиной; по крайней мере, для него она была самой прекрасной и привлекательной, он любовался ею и заново переживал всё то, что кипело в его душе двадцать семь лет назад.

На высокую, ярко освещённую прожекторами эстраду взошли музыканты в смешных чёрных фраках и белых манишках, которые делали их похожими на пингвинов; они взяли в руки инструменты, и зазвучала прекрасная музыка: джазовые композиции с солирующими саксофоном и роялем. Эти исполнители то поочередно исполняли музыкальные фразы, то одновременно сливались в дуэте, то вступали в нарочитое противоборство,

пытаясь на своих инструментах перепеть и перекричать друг друга. Медленные сладкие мелодии блюза сменялись быстрыми латиноамериканскими ритмами. Публика охотно выходила в центр зала и с удовольствием танцевала на площадке вокруг эстрады.

Когда снова заиграла медленная музыка и саксофон, страстно постанывая, запел с серебристой хрипотцой, Анатолий встал из-за стола и, протянув руку Людмиле, пригласил:

— Давай потанцуем!

Она окинула взглядом танцующие пары и обратила внимание на то, что многие дамы были, так же как и она, вовсе не в вечерних платьях, а кто в деловых офисных костюмах, а кто и в простых летних сарафанах.

Видя её нерешительность, Анатолий снял пиджак, повесил его на спинку стула и, подойдя сзади, аккуратно потянул стул, вынуждая её подняться с места:

— Сегодня не королевский бал, и дресс-код не требуется! Люди пришли отдохнуть после трудового дня. И ты выглядишь прекрасно! Пойдём!

Людмила встала, и они вместе вышли танцевать. Он обнял её талию, она положила руки ему на плечи — так они танцевали когда-то на школьных вечерах. По-другому Людмила и не умела. Она не была избалована вечеринками, дискотеками, танцами и только сейчас поняла, как много красивых и весёлых праздников прошло мимо неё. Она пыталась вспомнить, когда же в последний раз ходила с мужем на какой-нибудь вечер и когда они вместе танцевали. И не могла вспомнить точно. Наверно, лет пять назад, когда они с Николаем в последний раз были на Чёрном море и отдыхали в санатории в Геленджике. Там они пару раз потанцевали под звёздным южным небом. И это всё, что Людмила могла вспомнить.

Нет, у неё совершенно не было ни обид, ни претензий к мужу. Она и сама никогда не стремилась к развлечениям, к праздности и увеселениям. Её вполне устраивала размеренная, увлечённая работой и семьёй жизнь, и она никогда не помышляла об ином житейском укладе...

Люда танцевала с Толиком, медленно переставляя ноги и боясь наступить на его лакированные туфли. И вдруг какое-то озорство подкатило к ней! Она прижалась к нему и положила голову на его грудь. От Анатолия исходили приятная теплота и пряные ароматы крепкого табака и дорогого одеколлона.

— Николай не будет беспокоиться? — тихо спросил Анатолий, коснувшись губами её уха.

— Я ещё с работы позвонила ему, предупредила, что задержусь. Коля не будет беспокоиться, — тихо ответила Людмила. — Он рано ложится спать. А когда я поздно возвращаюсь, то он уже спит. У него режим.

Она чувствовала, что между нею и Анатолием постепенно начинается загадочный и бессловесный диалог. Двигаясь в танце, сближаясь и отодвигаясь, откидывая головы назад и встречаясь взглядами, сжимая пальцы на теле партнёра, они обменивались мыслями, эмоциями, чувствами. Казалось, что они давно установили потаённую связь и уже без слов понимают друг друга. Обнявшись, они двигались сквозь кружащееся вокруг них пространство к намеченной с обоюдного согласия цели.

Последняя нота медленно утасла в серебряном горле саксофона. Танец завершился, и они вернулись за столик.

— Ещё вина? — почему-то шёпотом спросил Анатолий.

Она кивнула. Золотистое вино наполнило фужер.

— За тебя! — произнёс он.

— За тебя! — повторила она.

Они выпили ароматное волшебное вино и пристально поглядели друг на друга.

Слова были уже не нужны. Перед ней сидел Толик Косолапов, озорной красивый юноша с горделивыми манерами и чувственными речами. А перед ним сидела сводившая его с ума юная Людочка Кузовлёва, бойкая и весёлая красавица с русалочьими волосами и божественной фигурой. Между ними как будто на встречных потоках мчались, сталкиваясь и завихряясь, беззвучные фразы, которые они одновременно слышали внутренним слухом, хорошо понимая их смысл, и которые как эхом откликались в сознании, создавая уверенность в том, что всё это звучит на самом деле и в настоящий момент времени. Вдвоём они находились в магическом очаровании от этого необычного чувственного состояния.

«Ты меня любишь?» — услышала она мысленный вопрос Анатолия. Не успев утвердительно ответить, она послала ему свой беззвучный вопрос: «А ты меня любишь?» — «Да, я люблю тебя!» — снова долетала до неё мысленная фраза Анатолия. — «А ты меня?» — «Да!» — как будто эхом многократно повторился её ответ. — Да, да, да...»

И будто бы грянул гром, от которого Людмила невольно вздрогнула, и в её глазах на мгновение потемнело.

Анатолий первым прервал волшебный диалог и встал из-за стола.

— Я провожу тебя! Пойдём! — уже в реальном пространстве прозвучал его решительный голос.

Людмила ничего не ответила и ни о чём не хотела спрашивать. Она послушно встала. Ей было необыкновенно легко и радостно. Она испытывала эйфорию, и у неё слегка кружилась голова.

Подскочил сияющий официант, и Анатолий, рассчитываясь, протянул ему небрежным жестом две пятитысячные купюры.

— Сдачи не надо! — барским тоном произнёс Анатолий.

Официант, спрятав деньги в нагрудном кармане, прогнулся в подобострастном поклоне и тут же исчез.

Надев пиджак и крепко подхватив Людмилу под руку, Анатолий уверенно повёл её из зала под звуки ритмичной самбы, а саксофон будто вопрошал им вслед: «Куда-а-а? Куда-а-а? Куда-а-а?!»

Они вышли из ресторана на воздух. Стояли густые синие сумерки, и было ещё не очень темно. — Который час? — будто очнувшись, спросила Людмила.

— Половина десятого, — глянув на часы, ласково ответил Анатолий.

Они спустились с крыльца и подошли к одному из такси, терпеливо дожидавшихся клиентов из ресторана. Анатолий распахнул заднюю дверцу, помог Людмиле и сел рядом с ней. Шофёр, молодой парень, полуобернулся в ожидании приказа.

— Тебя отвезти домой? — тихо спросил Анатолий почему-то дрожащим голосом.

Людмила уже твёрдо знала: что бы она сейчас ни ответила, но в ближайшие два-три часа она домой не попадёт точно... Остальное уже перестало её волновать. Она закивала головой и, сомнамбулически улыбаясь, ответила:

— Да...

Анатолий назвал адрес, шофёр молча кивнул, и автомобиль тронулся с места.

Они проезжали по освещённым улицам вечернего города, и за окном проплывали почти сказочные картинки: светились витрины магазинов, вывески кафе, ресторанов и танцевальных клубов; по тротуарам прогуливались нарядные люди. Людмила удивилась: она совсем не знала ночной жизни Северогорска, потому что никогда её прежде не видела. В это время обычно она всегда была уже дома, с мужем, с семьёй. Или была занята на работе в вечернюю смену. А сейчас она заново открывала свой родной город.

Такси заехало в новый, застроенный современными высотными зданиями микрорайон и остановилось возле подъезда с ярким фонарём. Анатолий, склонившись к уху Людмилы, прошептал:

— Давай зайдём ко мне на минуту... А потом я отвезу тебя домой.

Людмила как зачарованная послушно вышла из автомобиля. Анатолий протянул деньги шофёру и вышел следом за ней. Такси уехало.

Анатолий открыл дверь в подъезд электронным ключом, и они молча вошли. За большим стеклянным окошком, сидя на стуле, спала пожилая консьержка. Пара бесшумно прошла мимо неё. Лифт плавно поднял их на пятый этаж, распахнулась стальная дверь одной из квартир, и они вдвоём тихо зашли внутрь.

В прихожей стояла полная темнота. Загорелся тревожный пунцовый свет настенного бра. Людмила скинула босоножки и, бросив мимолётный взгляд в овальное зеркало, висевшее на стене, убедилась, что выглядит по-прежнему хорошо. — Проходи сюда! — Анатолий шагнул в широкий дверной проём тёмной комнаты, и там через мгновение вспыхнула яркая люстра под высоким потолком.

Людмила вошла и огляделась.

Это была просторная гостиная, обставленная скромно, но со вкусом. Кроме большого мягкого дивана с кожаными подушками и двух кресел, у стены стоял невысокий сервант со стеклянными дверцами. Возле окна, закрытого плотными полосатыми шторами, — небольшой столик, а в углу — плоский телевизор на тумбочке. На полу лежал мягкий серый палас. Больше мебели не было.

— Здесь я живу! — тихо произнёс Анатолий.

Он подошёл к Людмиле сзади, осторожно обнял, прикоснувшись к её груди горячими ладонями, и нежно поцеловал в шею. Она порывисто повернулась к нему и крепко обняла...

11.

— Который час? — осторожно спросила Людмила.

Они лежали в обнимку на раздвинутом диване, едва прикрытые махровым покрывалом. Вспыхнул напольный светильник, едва разогнав темноту багровыми бликами.

— Половина второго, — едва слышно ответил Анатолий.

— Мне пора! — Людмила не спеша встала и, вскинув руки вверх, слегка потянулась.

Её пышные волосы волнами перекинулись к спине, обнажив выпуклые груди.

— Ты такая красивая! — восхищённо произнёс Анатолий и приподнялся на локте, чтобы лучше видеть её.

Людмила смутилась, но ей были очень приятны его слова.

— Отвернись... Пожалуйста! — прошептала она, охваченная стыдливостью.

— Ты самая красивая из всех женщин, которых я видел! — снова с трепетом произнёс он.

Людмила, не сгибая прямых ног, изящно нагнулась в талии и взяла свою одежду, лежавшую на кресле.

— Я в душ! — поспешно вышла из комнаты.

Когда она вернулась, уже одетая, причёсанная и в полном порядке, Анатолий ждал её, облачённый в светло-серый спортивный костюм.

— Тебе было хорошо со мной? — спросил он, внимательно глядя в её глаза.

Немного помедлив, Людмила, опустив взгляд и покраснев, тихо ответила:

— Да!.. Но мне нужно домой!

— Погоди немного! — произнёс Анатолий очень решительным тоном, и в его голосе проскочили холодные и пугающие нотки. — Давай выпьем по чашке кофе! Мне нужно поговорить с тобой... Это очень важно!

Они прошли в просторную кухню, обставленную красивой светлой мебелью. Сели за стол. Зашумел белый электрический чайник.

Людмила испытывала благодатную эйфорию и непроизвольно улыбалась, сдерживая свою необычайную радость. Анатолий неотрывно смотрел на неё, и постепенно его взор остывал, твердел и становился колючим.

— Мне надо сказать тебе очень важное... — наконец заговорил он твёрдым и решительным голосом. — Я хочу ответить тебе на твой вопрос — почему я пригласил тебя сегодня в ресторан.

Людмила вопросительно взглянула на него, и её нечаянная улыбка растерянно растворилась. Перед ней с начальственным видом сидел строгий мужчина со знакомыми очертаниями лица, но совершенно чужим и холодным взглядом.

— Ты знаешь, кто я на самом деле? — спросил он тоном судебного дознавателя.

Людмила недоумевающе пожала плечами и хотела улыбнуться снова, но улыбка почему-то не получилась.

Анатолий протянул ей небольшую пластиковую карточку с фотографией, крупными надписями и странной эмблемой в виде переплетённых колец и стрел:

— Смотри! Это моё служебное удостоверение.

Ещё ничего не понимая, Людмила Григорьевна осторожно взяла в руки пластиковый прямоугольник и, шевеля губами, принялась читать вслух:

— Косолапов... Анатолий Юрьевич... «Юнэксим-банк»... Москва... Заместитель управляющего... Ничего не понимаю!

Она подняла настороженный взгляд на сидевшего напротив неё мужчину, вдруг моментально превратившегося в чужого, незнакомого ей человека в светло-сером спортивном костюме.

— Постой! — Людмила ещё раз, но уже молча, перечитала удостоверение и протянула его назад Анатолию. — Значит, ты работаешь в том самом банке, который дал нам ипотечный кредит?

Он, не отрывая от неё пристального взгляда, кивнул.

— И ты знаешь про наши проблемы? — спросила Людмила почему-то задрожавшим голосом.

И снова в ответ утвердительный кивок головы. — Значит, наша встреча... не случайна?

— Да, Людочка, не случайна! — глубокомысленно проговорил Анатолий Юрьевич.

— И... что всё это значит? — упавшим голосом спросила Людмила Григорьевна и её охватила необъяснимая тревога.

Любовная эйфория моментально улетучилась из её головы.

— Это ничего не значит! — жёстко произнёс Анатолий. — Я уже три года наблюдаю за вашей кредитной историей. И вот я специально приехал сюда в командировку, в северогорский филиал нашего банка, которому вы задолжали немалую сумму денег, чтобы помочь тебе.

Помедлив, добавил с решительностью:

— Я приехал за тобой!

— В каком смысле? — растерянно переспросила Людмила.

— Я хочу забрать тебя отсюда... С собой в Москву! — уже повышенным тоном произнёс Анатолий. — Навсегда!

— Ты что?.. Сошёл с ума?! — медленно вымолвила Людмила и почувствовала, как её охватывает нервный озноб.

— Людочка! — выкрикнул Анатолий. — Я двадцать с лишним лет ждал, когда ты, наконец, бросишь своего Кольку, чтобы вернуться ко мне!

Людмила молчала. Щёлкнув, автоматически отключился закипевший чайник.

Анатолий Юрьевич вскочил на ноги и опёрся кулаками о стол, подавшись всем корпусом вперёд: — Моя личная жизнь не сложилась, потому что я всегда любил только тебя. Тебя одну! И теперь, когда у меня появился, может быть, последний шанс вернуть тебя, — я воспользуюсь им!

— Чего ты хочешь? К чему всё это? — Людмила попыталась встать, но Анатолий подскочил и удержал её за плечи:

— Сиди! Я не договорил!

Она недовольно повела плечами, и он, отпустив её, отошёл к окну, прикрытому прозрачной шторой. Скрестив руки на груди и широко расставив ноги, он встал в решительную позу, будто изготовился к драке.

— Слушай меня внимательно!.. — Анатолий говорил строго и с металлическим звоном в голосе. — У вас безвыходное положение. Через пять дней вам нужно будет заплатить нашему банку сто восемьдесят тысяч рублей и ещё, помимо этого, тридцать тысяч за судебные издержки. Так?

Людмила медленно кивнула, соглашаясь с его словами.

— Но у вас совершенно нет денег! — продолжал Анатолий. — Все свои мизерные накопления вы потратили на лечение Николая... Коля получает по больничному листу жалкие гроши, а у тебя маленькая зарплата. Вам едва хватает на жизнь. Так?!

Людмила хотела снова кивнуть, но удержалась. Её вдруг начали злить его слова.

— У вашего сына свои проблемы, и он тоже не может вам помочь! — его голос становился всё громче и вибрировал всё сильнее, задевая и ранив Людмилу в самое сердце. — Вам никто не сможет

помочь! Потому что вы бедные и жалкие неудачники! У вас нет ни денег, ни настоящих друзей, ни влиятельных покровителей — за вас никто не заступится. Вы никому не нужны!

Людмила, ухмыльнувшись, подняла взгляд, и в нём стояла решительная твёрдость.

— Чего ты хочешь? — спросила она с неожиданным презрением к своему собеседнику.

— Я предлагаю тебе сделку... — наткнувшись на её твёрдый взгляд, Анатолий осёкся и непроизвольно сбавил свой напористый тон. — Да-да! Выгодную для всех сторон сделку! Ты оставляешь Николая и уезжаешь со мной в Москву. Я женюсь на тебе! Мы распишемся и будем жить вместе. Долго и счастливо!..

Он шагнул вперёд и нагнулся, приблизив к ней своё лицо:

— Я оплачиваю ваши долги, Николай остаётся в вашей квартире, и я ещё дам ему на лечение сто тысяч рублей!..

Людмила невольно улыбнулась, и Анатолий воспринял это с некоторой надеждой. Он продолжил, прибавив голосу обаяния и мягкости: — Я куплю ему путёвку в хороший санаторий с отличными врачами. Его поставят на ноги, и он окончательно поправится. Я помогу ему здесь с хорошей работой... Он справится без тебя...

Помолчав, добавил уже со своей интонацией: — А мы... Мы будем вместе! Понимаешь?! Вместе! Навсегда!

Анатолий замолчал и сел за стол, положив на него руки. Пальцы его нервно сжимались и разжимались, а лицо искажалось от внутреннего напряжения.

Воцарилась гнетущая тишина.

Людмила сидела, некоторое время глубоко задумавшись. Наконец, не взглянув на Анатолия, спросила с ядовитой иронией:

— Ты правда заплатишь наши долги?

— Конечно! — с готовностью откликнулся он, вроде бы не заметив её иронии. — У меня с собой наличные деньги. Я прямо сейчас могу дать тебе двести тысяч... Или завтра... Если хочешь!

Людмила взглянула на него с удивлённым любопытством. Анатолий обнадёженно добавил:

— А если хочешь, то прямо сегодня утром могу вместе с тобой поехать к приставам и заплатить всю требуемую сумму. Я моментально всё улажу!

Что-то странное мелькнуло в глазах у Людмилы, какие-то искры, и Анатолий произнёс уже с торжественной нотой:

— Только ты должна пообещать мне, что через три недели уедешь вместе со мной в Москву!

Помолчав, Людмила с озабоченностью и сомнением произнесла:

— А Николай? Он ведь не переживёт этого!

— Перестань! — Анатолий слегка стукнул кулаком по столу. — Он мужик, в конце концов. Я сам

поговорю с ним, с глазу на глаз. И всё объясню ему. Он поймёт!

Людмила закрыла лицо ладонями и напряжённо замерла.

Анатолий Юрьевич снова вскочил с места, стремительно бросился к ней, упал перед ней на колени, обнял за талию и уткнулся головой в её грудь.

— Ты моя! И только моя! Ты всегда принадлежала только мне! — застонал, почти замычал он, медленно мотая головой из стороны в сторону, и его причёска неприятно защекотала ей подбородок. — А этот подлец, это ничтожество, этот Колька Архипов, этот самодовольный болван!.. — Анатолий поднял к ней своё воспалённое лицо и пристально, почти в упор, вглядывался в неё, не решаясь оторвать её ладони от лица и продолжая с горячностью стонать и выкрикивать: — Он увёл тебя... Он тебя украл у меня!.. Он воспользовался тем, что ты была молодая и несмышлёная дурочка... Он поманил тебя, и ты побежала за ним!

Людмила сидела, не шевелясь и по-прежнему закрыв ладонями лицо. Анатолий слегка тряс её за талию, за плечи, потом хватался за её руки, пытаясь отнять от лица и желая заглянуть ей в глаза, и продолжал с решительной напористостью выкрикивать:

— Я жалею, что тогда отступился от тебя. Я смалодушничал! Перестал бороться за твою любовь! Как я жалею! Я жалею, что не избил, не убил его тогда! И ты уже тогда могла бы стать моей! Моей!

Анатолий резко вскочил на ноги и принялся быстро и нервно ходить по кухне взад и вперёд. Он говорил, не останавливаясь, громко, страстно, со страшными и безумными интонациями:

— Три года назад, когда я проверял базу данных по Северогорскому филиалу и нашёл вас в списке наших ипотечных заёмщиков, то первое, что пришло мне в голову, — это нанять профессионального убийцу и убрать Кольку по-тихому!

Людмила вдруг отняла ладони от лица и взглянула на Анатолия с тревогой и растерянностью. — Да! Да! — яростно выкрикнул он. — Я всерьёз думал убить Николая!..

Анатолий вновь приблизился к ней. — А уже через год красивая вдова Люда Архипова могла бы спокойно выйти за меня замуж... Ведь ты бы согласи-и-илась! — злобно пропел он. — Как согласилась сегодня переспать со мной... Но я колебался!

Анатолий замолчал, как будто собираясь с силами. Он уже не глядел на Людмилу и продолжил речь уже с внутренним надломом, с клокочущими в горле слезами:

— Потом, когда я узнал, что у Николая случился инсульт, я мог бы сделать так, чтобы его залечили в больнице до смерти. У нас это умеют. Особенно за деньги... И снова ты могла бы стать моей! И я снова колебался. И я опять упустил свой шанс!

Анатолий Юрьевич отвернулся и подошёл к окну. Глядя в чёрный ночной проём, твёрдо и со злостью спросил:

— Ты думаешь, что я побоялся бы убить Кольку?

Людмила вдруг откликнулась:

— А что, не побоялся бы?!

Анатолий резко повернулся и вперился в неё страшным и злобным взглядом. Лицо его было искажено. Произнёс надменно и хищно:

— Милая! Ты знаешь, сколько людей отправил на тот свет наш банк для того, чтобы войти в сотню крупнейших и влиятельнейших банков страны?! На свете нет такого преступления, на которое не смог бы пойти банкир ради корысти, успеха и выгоды!

Ему показалось, что во взгляде Людмилы появилось что-то вроде восхищения, и он с неимоверным пафосом добавил:

— Я прошёл суровую школу, и меня ничто не остановило бы. Я привык добиваться всего, что мне нужно. А мне нужна ты!..

Он резко шагнул к ней, и она невольно отпрянула, прижавшись спиной к стене. Он остановился, не желая пугать её.

— Я не угробил Кольку только из-за любви к тебе. Я знал, как ты привязана к нему! И мне не хотелось тебя травмировать трагическими потрясениями. Но я с ума сходил от мысли, что ты с ним, а не со мной!

Снова громко выкрикнул, не в силах сдерживаться:

— Я выжидал, когда у вас сложится неразрешимая финансовая проблема, и ускорил события с судом. Я создал эту критическую ситуацию, чтобы поставить тебя перед выбором: или я, или Колька!

Анатолий вплотную подошёл к Людмиле и присел перед ней на корточки, положил ей на колени свои руки и настойчиво затряс с болезненной grimасой на лице. С яростной решимостью, переходящей в рычание, проговорил, почти провыл:

— Умоляю тебя, Люда! Уедем со мной в Москву! У меня шикарная квартира на Садовом! У меня есть дом под Звенигородом! Я обеспечен, я богат! Я сделаю тебя счастливой! — он заискивающе заглядывал ей в глаза, пытаясь угадать её настроение. — Ты будешь ходить в шелках, в мехах, я осыплю тебя бриллиантами! Ты будешь отдыхать на лучших курортах мира! Ты будешь посещать лучшие салоны красоты.

Ему показалось, что она улыбнулась, и он схватил её за руки, с силой прижав к своей груди. Она не сопротивлялась, но глядела куда-то поверх него с отрешённым видом.

— А хочешь, я подарю тебе новый автомобиль? Ты станешь самой красивой и самой элегантной дамой в столице. Все будут тебе завидовать! Ну, хочешь?! — отчаянно выкрикивал Анатолий Юрьевич и с болезненным напряжением глядел и глядел в глаза Людмиле.

Она упорно молчала, а затем принялась медленно мотать головой из стороны в сторону, как будто давая отрицательные ответы на каждую его фразу. А он, сидя перед ней, всё продолжал говорить и тряс её то за руки, то за колени, пытаясь добиться от неё ответа:

— Я помогу Саше, вашему сыну, с хорошей работой. Я помогу нанять адвокатов, и вы отсудите у бывшей невестки своего внука. Ты будешь воспитывать своего внука! Я очень влиятельный человек, и у меня большие связи. Я очень многое могу сделать и для тебя, и для всех твоих близких. Ну чего ты хочешь, Людочка?!

Людмила Григорьевна вдруг закинула назад голову, упёршись затылком в стену, и громко, неудержимо засмеялась. Она смеялась искренне, глубоко, без фальши, ей на самом деле стало ужасно смешно.

Едва остановившись, пытаясь сдерживать смех, она в упор поглядела на Анатолия Юрьевича тёмным и тяжёлым взглядом и, неожиданно проведя рукой по его искажённому от волнения лицу, совершенно спокойно, почти ласково произнесла: — Толик! Милый Толик! Ты и вправду возомнил, что можешь меня купить? Вот так просто?! За деньги?! Как простую игрушку? Или как проститутку?

Анатолий медленно встал на ноги, но не отпустил её рук. Людмила глядела на него снизу вверх и продолжала говорить всё более и более уверенным тоном:

— Ты веришь в то, что ты такой могущественный, всесильный и что всё можешь?! Ты можешь влиять на судьбы людей, подстраивать им козни, а потом являться в роли благодетеля? Так?!

Анатолий растерянно кивнул, невольно соглашаясь с ней.

— Если бы ты промолчал насчёт своего могущества; если бы ты не признался в том, что ты тот самый гнусный банкир, который грозит выгнать нас на улицу; если бы ты не стал хвастаться своим подлым поступком... — Людмила запнулась, едва сдерживая вскипавшую в ней ярость, потом со всё возрастающим напором продолжила: — То, может быть, я, глупая женщина, проявившая слабость и переспавшая с тобой в минуту любовного умопомрачения, может быть, я и дрогнула бы и задумалась бы над тем, чтобы совершить бесчестный поступок и бросить своего мужа ради тебя... Нет! Не ради твоих денег и не ради того, чтобы спасти свою квартиру, будь она неладна, а только ради того Толика Косолапова, который меня так преданно и сильно любил всю свою жизнь!

Она резко выдернула руки из его ладоней и отвернулась в сторону. Анатолий Юрьевич молча стоял рядом с ней, не решаясь заговорить. Людмила снова повернулась к нему и поднялась с места, очутившись почти вплотную, почти соприкоснувшись

с ним, и уже с яростным напором выкрикнула ему прямо в лицо:

— Я уже почти поверила в то, что любила тебя когда-то и что сейчас полюбила снова! Но ты — несчастный гордец, заносчивый самохвалка! Это ты — жалкий неудачник, потому что ты не добился взаимной любви ни с одной женщиной!

Её слова больно хлестнули Анатолия, и он, дёрнувшись как от удара, опустил лицо, а она продолжала с беспощадной жестокостью:

— Может, тебя и любили женщины, но ты их не любил. И ты любил или до сих пор любишь ту, которая тебя уже не полюбит никогда! Потому что ты — чудовище! Ты стал богатым только потому, что больше никем не мог удовлетворить свои амбиции. Тебе нужны деньги и власть, чтобы завоевать или купить себе любовь. По-другому ты не умеешь! Но за деньги ты никогда не купишь ни любви, ни дружбы! Эта истина — стара как мир, и этому нас учили в школе. В нашей доброй советской школе!

Людмила замолчала и, тяжело вздохнув, отошла к окну. Она смотрела на Анатолия и с презрением, и одновременно с искренним сочувствием, но уже не жалела его. А он молчал, и на его помятом лице появилось сначала выражение жалкой растерянности, а затем и глубокого страдания. Он поднял на неё опустошённый взгляд и собрался что-то сказать, но губы его только нелепо кривились.

Глядя ему в глаза, Людмила произнесла с прежней стальной твёрдостью, вбивая в него каждое слово, будто гвозди:

— Если бы ты пришёл ко мне простым, пусть даже бедным и несчастным, но прежним Толиком, я бы тогда многое смогла для тебя сделать. Тогда бы я действительно сострадала тебе, и терзалась бы от любви к тебе, и разрывалась бы между тобой и Николаем. Потому что ты всегда был мне безразличен!

Что-то блеснуло в его глазах.

— Да! Да! Безразличен! — она сделала к нему один шаг. — Тогда, в сквере, когда ты признавался мне в любви, я оказалась не готова к настоящей любви. Я просто не поняла, что начинала любить тебя. И если бы не твоя гордыня... не твоя спесь...

Анатолий устало сел на табурет и тяжело оперся на край стола, опустив голову. Людмила подошла к нему ещё на один шаг и чуть наклонилась вперёд, заговорив ещё громче:

— Ведь ты перестал за мной ухаживать только потому, что стал презирать меня из-за того, что я отдала предпочтение не тебе, а Николаю. Ты решил, что раз я выбрала его, то уже и недостойна тебя, такого умного и великого! И поэтому ты отвернулся от меня! Ты сам погубил свою любовь ко мне, потому что себя ты всегда любил больше! Вот, Толенька, и вся арифметика! Вот и весь треугольник! — в голосе Людмилы уже прорывался плач, на глазах выступили слёзы, и она умолкла.

— Нет, нет! — Анатолий медленно поднялся и подошёл к ней совсем близко. — И тогда, и сейчас я люблю тебя больше своей жизни! — голос его сильно дрожал и срывался. — В тот вечер, после кино, после нашего разговора, я пришёл домой и всю ночь не спал. Я думал о самоубийстве. И я был в шаге от него... Но потом, под утро, я протрезвел. Я понял, что действительно ты не стоишь моей жизни. Было бы крайне глупо и смешно погибать из-за любви к тебе... — Анатолий снова взял её за руки и потянул к себе. — И я решил, что раз ты не оценила мои чувства, раз ты не ответила взаимностью на мою, такую сильную, любовь, то ты — просто глупая и пустая девчонка, недостойная ни меня, ни моей любви!

Он приложил её ладони к своей груди, чтобы она ощутила его сильное сердцебиение:

— Я действительно стал презирать тебя, я отвернулся от тебя и перестал за тебя бороться. Я постарался забыть тебя навсегда... Но не смог!..

Голос Анатолия то угасал, то воспламенялся. Он говорил уже без злости, но с тяжёлым нервным надрывом.

— Да, я стремился к успеху в жизни, к деньгам и к власти! Чтобы потом, всего добившись, на вершине своего успеха, увидеть тебя и сказать тебе, глядя сверху вниз: «Видишь, как ты прогадала, выбрав не меня, а жалкого неудачника Кольку!»

Людмила подалась от него назад, отталкивая его в грудь, но он силой удерживал её руки, прижимая к себе.

— Я ждал этого момента много лет! И вот сегодня я тебе возвратил все свои обиды, всю свою боль, унижение за отвергнутую любовь, за свои оскорблённые чувства. Я был сегодня триумфатором! И ты должна была упасть к моим ногам как законно доставшаяся мне добыча, как трофей в честном поединке с моим давним соперником!

Он замолчал и отпустил её руки. Повернувшись, шагнул к окну и, глядя в темноту глубокой ночи, произнёс едва слышно:

— Я так люблю тебя!

Людмила близко подошла к нему и осторожно положила свою руку на его правое плечо, как бы успокаивая. С примиряющей сдержанностью произнесла:

— Толик, этот поединок был заочным, нечестным и подлым... Ты столько лет строил козни, вынашивал гнусные замыслы... Ты пришёл в наш дом, сидел за нашим столом, ел наш хлеб, признавался в любви, изображал такое радушие, такую радость от встречи с нами... — она запнулась на секунду. — А в это время твоей душой владели чёрные мысли, и ты лелеял самые подлые поступки... — она снова запнулась. — Да ведь ты не пришёл к Николаю ни тогда, ни позже, ни даже сейчас с открытым и честным разговором!

Людмила убрала руку с его плеча и отошла в сторону.

— Ещё тогда, в школе... Ты ведь мог тогда с Николаем просто выяснить отношения! Ну, не обязательно на кулаках... — она говорила с волнением, то повышая, то понижая голос, стараясь не сорваться на крик. — Просто поговорить с ним, заявить ему, что ты любишь меня и будешь за меня бороться. Это был бы честный мужской поступок. И ещё неизвестно, как бы повернулась к тебе судьба и я вместе с ней... А ты?... — в её голосе звучала нервная дрожь от пережитого потрясения. — Ты или струсил... Или просто не любил меня по-настоящему!

Анатолий резко повернулся к Людмиле — в глазах его стояли злые и горячие слёзы. Он закричал, но голос его был сдавленным, силным и совершенно потерялся:

— Как ты смеешь мне говорить такое? Что я не любил тебя?! Я чуть не умер из-за тебя в ту несчастную ночь!..

— Тихо! Не кричи! — строго одёрнула его Людмила.

Она, наконец, уже взяла себя в руки и преисполнилась твёрдой решимости.

— Соседей разбудишь. На дворе глубокая ночь... — её голос стал уверенным и спокойным. — Знаешь, мы уже достаточно хорошо выяснили все наши сложные отношения! В завершение сегодняшнего прекрасного вечера я хочу тебе сказать большое спасибо за всё. За ресторан, за ужин... за близость... — Людмила невольно покраснела и опустила взгляд, но продолжила с прежней уверенностью: — Коля всегда был моим единственным мужчиной. Я никогда, никогда не изменяла ему и всегда была верной женой. Представляешь?! Мне даже самой иногда становилось противно от своей старомодной правильности. И мне, честно говоря, иногда хотелось попробовать: а как это — изменить мужу, переспать с другим мужчиной? Тем более что многие бабы вокруг только и треплются об этом...

Она подняла взгляд и посмотрела на Анатолия с дерзким вызовом.

— И вот ты дал мне такую греховную возможность. Я переспала с тобой. И думаю, что даже по любви... минутной... И она уже прошла... не начавшись толком! — Людмила шагнула к Анатолию, чтобы заглянуть ему в глаза, но они были погасшими и блестели от слёз. — И скажу тебе, Толя, откровенно: да, мне было хорошо с тобой в постели, как может быть хорошо женщине, соскучившейся по мужской ласке... И знаешь, как это гадко — изменить любимому мужу, отцу своего сына, мужчине, который меня так любит и так мне предан?! Мне очень стыдно!

Людмила отвернулась и закрыла лицо руками, мотая головой, как бы отгоняя назойливые мысли. Затем отняла ладони и снова повернулась к Анатолию, и глаза её сияли необъяснимой радостью:

— Но теперь я убеждена... Я твёрдо уверена, что никогда и ни при каких обстоятельствах, никогда больше не изменю Николаю! Да-да! — она улыбнулась. — Толик, я провела с тобой ночь, видимо, только для того, чтобы убедиться, что всё-таки люблю только его, Колю. И, несмотря ни на что, не люблю тебя... Анатолий Юрьевич!

Людмила вспыхнула, и по её лицу пробежала искра переполнявших её чувств.

— Мне пора уходить!

Она стремительно вышла из кухни в прихожую и, нащупав на стене выключатель, зажгла свет. Быстро обула босоножки и взяла в руки сумочку.

В дверях торчал ключ с массивным брелоком. Людмила протянула руку и повернула ключ, отпирая замок.

— Пстой! — раздался сзади твёрдый, приказывающий голос. — Ты вот так просто возьмёшь и уйдёшь? И всё?!

Анатолий Юрьевич стоял в дверном проёме, ведущем на кухню, и опирался руками в косяки. Его глаза были совсем потухшими, как два тёмных провала на лице. Он будто постарел и выглядел сильно уставшим.

— Ах да! — улыбнулась Людмила Григорьевна. — Я забыла попрощаться...

Немного поколебавшись, произнесла с ядовитым сарказмом, почти с издёвкой:

— Прощай, Толик! И давай никогда больше не встречаться!

— А как же наша сделка? — настырно спросил Анатолий мрачным голосом, похожим на злобное карканье. — Вас вышвырнут из квартиры на улицу. Я сильно постараюсь для этого! Или ты принимаешь мои условия?..

Людмила медленно, но упруго подошла к нему вплотную, досадливо поморщилась и прямо ему в лицо с глубоким презрением произнесла:

— Какой же ты дура-а-ак, Толик!.. Какая сделка? Ты с ума сошёл?! Это ты у себя в банке привык сделки заключать, да? — покачала головой. — Да мне наплевать на то, какую ещё гадость ты там затеял! Денег, скорее всего, мы не сможем заплатить вовремя. Нам их просто негде взять! И ты, разумеется, выгонишь нас и отберёшь нашу квартиру. Ты же герой! Но нам хватит тех денег, что у нас ещё останутся, на покупку однокомнатной квартиры, пусть даже и на окраине. Мы не останемся на улице!.. А хоть бы и останемся!

Людмила шагнула к двери, снова обернулась и яростно выкрикнула:

— Я Николая никогда не брошу! Никогда! Ты понял? Банкир! Ты этого не дождёшься! И я никогда не буду с тобой! Ни-ко-гда!

Людмила взялась за дверную ручку. — Ты никогда не любила Николая! — выкрикнул Анатолий. Его голос дребезжал от отчаяния и был

полон слёз бессилия. — Ты всегда любила только меня!

— Женщина, особенно молодая, чаще всего любит разных чудачков, — не оборачиваясь, откликнулась Людмила. — А в мужа выбирает только настоящего мужчину!

Она всё же чуть обернулась к Анатолию и с уверенностью произнесла:

— Может быть, я и любила тебя когда-то... Хотя уже точно и не помню этого... Но тогда, в юности, я выбрала Николая и вышла за него замуж только потому, что он был настоящим мужчиной! И сейчас, когда ты меня снова поставил перед выбором, таким трудным и соблазнительным, я снова выбрала Николая, потому что он, несмотря ни на что, до сих пор остаётся человеком и просто порядочным мужиком. Я остаюсь с Колей! Навсегда!

Людмила отворила дверь наружу и собралась шагнуть в темноту площадки.

— Но сегодня ты принадлежала мне. Ты была моей! — сдавленно выкликнул ей вслед Анатолий.

Задержавшись в дверях и не поворачивая головы, Людмила ответила негромко, но с твёрдой убеждённостью:

— Только потому, что мне вдруг померещилось, будто ты был тем славным юношей по имени Толик Косолапов, с которым мы когда-то давно, очень давно ходили на чудный французский фильм о любви и который потом признавался мне в любви в сквере на лавочке...

Помолчав, добавила:

— Сегодня было просто наваждение. Морок. Я приняла тебя за другого, за своего старого школьного товарища, за одноклассника Толика. Но я ошиблась! — повернув к нему лицо, громко прошептала: — Это был не он!

Анатолий глядел на Людмилу обречённым взглядом безнадежно проигравшего человека и мрачно произнёс, почти прошептал:

— Ты не ошибаешься! Я — Толик Косолапов. Тот самый...

— Не-е-ет!.. — Людмила покрутила головой, не соглашаясь. — Толик был хорошим парнем, хотя и горделивым и немного странным... А ты... Ты просто монстр из преисподней! — сокрушённо произнесла она и, махнув рукой, наконец вышла вон из этой душной квартиры.

12.

Выйдя из подъезда во двор и окунувшись в прохладную ночь, Людмила Григорьевна облегчённо вздохнула полной грудью и тихо рассмеялась:

— Боже, какой идиот!

Она вышла со двора, сплошь заставленного автомобилями, через арку на просторную улицу и зашагала по тротуару в направлении центра города. На улице не было ни души.

Вокруг стояла густая тьма: небо, затянутое низкой облачностью, было совсем чёрным. Фонари уже не горели, и нигде не светились окна. Многоэтажные дома высились мрачными стенами без единого проблеска света. Город крепко спал.

Людмила без всякого страха шла по совершенно пустой тёмной улице, и на душе у неё было свободно и радостно. Где-то там впереди сверкали далёкие огоньки — то ли от фар проезжавших машин, то ли от фонарей, то ли от окон. И к этим огонькам она уверенно шла с надеждой поймать бессонное такси, чтобы доехать до дома.

Зачем-то оглянувшись, Людмила вдруг увидела красные габаритные фонари и тусклый свет фар бесшумно приближающегося к ней автомобиля. Он ехал в попутном ей направлении. Машина подъехала ближе, и Людмила, увидев, что это какая-то старая легковушка, смело подняла руку, призывая шофёра остановиться.

Автомобиль, капризно скрипнув, затормозил. В салоне зажглась зеленоватая подсветка, и Людмила близко разглядела обернувшегося к ней шофёра: за рулём сидел пожилой седовласый мужчина в чёрном берете, с тёмными грустными глазами и с белой аккуратной бородкой. Его спокойное и благородное лицо показалось ей очень знакомым. Не дожидаясь просьбы, он кивнул Людмиле, приглашая в машину.

Усевшись на заднее сиденье, Людмила достала из сумочки сторублёвую купюру и робко протянула водителю:

— У меня больше нет... Довезите, пожалуйста, до дома!

Старик обернулся и выразительно, но без осуждения поглядел на неё, однако денег не взял и только молча покивал головой. Скрипнул рычаг переключения скорости, и автомобиль тронулся с места.

Они неспешно ехали по ночному спящему городу: пустые улицы выглядели необычно и таинственно. Уставшей женщине было немного не по себе от сказочной нереальности проплывавших за окном автомобиля видов ночного Северогорска. Таким она тоже никогда ещё не видела родной город. А он был красив и загадочен.

Через пятнадцать минут машина остановилась возле её подъезда, и Людмила Григорьевна вышла. Денег с неё водитель так и не взял. Автомобиль бесшумно тронулся и быстро исчез, будто растворился в темноте.

И только сейчас Людмила спохватилась: «А ведь я не назвала шофёру своего адреса!»

Войдя в подъезд и вызвав лифт, она снова подумала: «Может быть, это Колин знакомый, который знает меня и просто подвёз до дома? Ведь и денег не взял!»

Зайдя в квартиру, Людмила Григорьевна прежде всего потихоньку заглянула в комнату к мужу.

Николай Матвеевич спокойно спал, и его ровное дыхание было хорошо слышно.

«Слава Богу! С Колей всё в порядке!» — с радостью подумала она и прошла на кухню.

За окном уже брезжил тёмно-серый рассвет, но в помещении было ещё темно. Людмила включила светильник над электропечкой и села на ласково скрипнувший стул возле обеденного стола. Настенные часы показывали ровно четыре часа утра. Спать совершенно не хотелось, и она, прислонившись к стене, на минуту прикрыла глаза, обдумывая всё произошедшее с ней сегодня.

Утром надо было идти на работу, но Людмила решила позвонить начальнику, Алексею Вениаминовичу, и договориться с ним, чтобы выйти после обеда, в вечернюю смену. Она могла себе позволить гибкий график, особенно в те дни, когда её присутствие в отделе не являлось особой необходимостью. А сегодня Людмиле нужно обязательно выспаться.

Вспомнив все бурные события минувшего дня, она улыбнулась и снова тихо повторила:

— Боже, какой дурак!

Немного подумав, добавила:

— И я — такая дура!..

На холодильнике в углу стояла прислонённая к пустой фаянсовой вазе маленькая иконка.

«Откуда? — подумала Людмила и, встав с места, подошла поближе. — Наверно, Коля принёс или ему кто-то подарил».

Она аккуратно взяла иконку в руки.

На толстом и плотном картоне, размером с любительскую фотографию, типографским способом было отпечатано изображение святого Николая Чудотворца, хорошо знакомое ей по большой иконе в Благовещенском храме. Только теперь, хорошо взглядевшись в мудрое и благородное лицо Николая Угодника, Людмила поняла, почему пожилой водитель, довёзший её до дома, показался таким знакомым. Надо же, какое потрясающее сходство!

Неожиданно в душу уставшей женщины вошла умиротворяющая радость оттого, что сегодня всё закончилось хорошо, и что все живы, и что все снова вместе, и что всё по-прежнему!

Людмила поставила иконку на место и зачем-то прошептала:

— Спасибо!

Затем она выключила свет и отправилась спать. Ей нужны были силы, чтобы преодолеть все трудности наступающего дня. Ей с мужем оставалось ещё целых пять дней прожить в этой уютной трёхкомнатной квартире...

А что будет дальше?! Людмилу это уже совсем не волновало.

Жизнь продолжалась и готовила новые сюрпризы и испытания. И всё должно случиться так, как и должно быть. А всё, что ни случается, — всё только к лучшему!